

М. Михай

Само имя героя этих очерков звучит более чем зловеще. Дракулой зовут предводителя вампиров из фильмов ужасов, и имя это заимствовано именно у Цепеша, являющегося прототипом экранного монстра. Еще «Дракула» значит по-румынски «черт», а «Цепеш» значит «кольщик», «любитель сажать на кол», каковым занятием Влад и прославился в народе на все времена.

Уже более пяти веков тянется за Владом Цепешем зловещая тень его устрашающей репутации. Кажется, что речь идет на самом деле об исчадии ада. На самом же деле это был в достаточной степени обычный для той эпохи деятель, в какой-то мере выдающийся, разумеется, по своим личным качествам, среди которых демонстративная жестокость занимала отнюдь не последнее место.

Однако после Сталина, Гитлера или Пол Пота масштабы зверств, которые принято связывать с Цепешем, могут показаться мелковатыми. Да и в те времена у него были достойные конкуренты, - например» Тамерлан, живший полувеком раньше его.

Тем не менее, именно Влад Цепеш превратился в массовом сознании в чудовище, равных которому не бывает. Если посчитать тиражи фильмов о Дракуле и количество их просмотров, то они побьют рекорд, оставив позади и упомянутых выше злодеев, и Ивана Грозного, много чему научившегося у Цепеша и превзошедшего своего учителя.

О личности валашского господаря до сих пор идут споры, и большая часть даже вполне серьезных книг о нем носит названия вроде «Влад Цепеш - миф и реальность». Или «Влад Дракула - правда и вымысел», и так далее в меру фантазии авторов. Однако, пытаясь разобраться в событиях, отстоящих от нас более чем на полутысячелетие, авторы, иногда неосознанно, а иногда намеренно, громоздят новые мифы вокруг образа этого человека.

Каков же он был на самом деле?

Подробнее:

http://swordmaster.org/2008/01/29/vlad_drakula_jasamamja_plokhaja_reputacija_na_sвете.html

Содержание

Феодальные нравы
Турецкий ставленник
Нет, все-таки гроза турок!
Какие сказки про него сочиняли
История первая. Золотая чаша
История вторая. Подложенный дукат
История третья. Два монаха
История четвертая. Находчивый ответ
История пятая. Непочтительные послы
История шестая. Несчастливая лгунья
История седьмая. Нерадивая жена
История восьмая. Брезгливый вельможа
История девятая. Сожжение нищих и убогих
История десятая. Верные бояре
Искусство наживать врагов
Почтительные поклоны и кровавая бухгалтерия
Выжженная земля
Не только османы способны на «деяния»
В когтях хищной птицы
История одиннадцатая. Кроважность Дракула
На свободу с чистой совестью
История двенадцатая. Незадачливый пристав
Смерть и посмертная судьба Дракулы
Художник устрашения

Само имя героя этих очерков звучит более чем зловеще. Дракулой зовут предводителя вампиров из фильмов ужасов, и имя это заимствовано именно у Цепеша, являющегося прототипом экранного монстра. Еще «Дракула» значит по-румынски «черт», а «Цепеш» значит «кольщик», «любитель сажать на кол», каковым занятием Влад и прославился в народе на все времена.

Уже более пяти веков тянется за Владом Цепешем зловещая тень его устрашающей репутации. Кажется, что речь идет на самом деле об исчадии ада. На самом же деле это был в достаточной степени обычный для той эпохи деятель, в какой-то мере выдающийся, разумеется, по своим личным качествам, среди которых демонстративная жестокость занимала отнюдь не последнее место.

Однако после Сталина, Гитлера или Пол Пота масштабы зверств, которые принято связывать с Цепешем, могут показаться мелковатыми. Да и в те времена у него были достойные конкуренты, - например» Тамерлан, живший полувеком раньше его.

Тем не менее, именно Влад Цепеш превратился в массовом сознании в чудовище, равных которому не бывает. Если посчитать тиражи фильмов о Дракуле и количество их просмотров, то они побьют рекорд, оставив позади и упомянутых выше злодеев, и Ивана Грозного, много чему научившегося у Цепеша и превзошедшего своего учителя.

О личности валашского господаря до сих пор идут споры, и большая часть даже вполне серьезных книг о нем носит названия вроде «Влад Цепеш - миф и реальность». Или «Влад Дракула - правда и вымысел», и так далее в меру фантазии авторов. Однако, пытаясь разобраться в событиях, отстоящих от нас более чем на полутысячелетие, авторы, иногда неосознанно, а иногда намеренно, громоздят новые мифы вокруг образа этого человека.

Каков же он был на самом деле? Попробуем разобраться, безо всякой гарантии, что сумеем установить истину. Потому что практически ни одному историческому источнику, повествующему о нем, до конца доверять нельзя.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ПРАВИ

Влад Цепеш-Дракула родился, вероятнее всего, в 1430 или 1431 году (кое-кто называет даже 1428 или 1429 годы), когда его отец, Влад Дракул (без «а» на конце), претендент на валашский трон, поддерживаемый императором Священной Римской империи германской нации Сигизмундом Люксембургским, находился в Сигишоаре, трансильванском городе вблизи границы с Валахией (Мунтенией).

В популярной литературе часто связывают рождение Влада с моментом вступления его отца в орден Дракона, куда тот был принят 8 февраля 1431 года императором Сигизмундом, занимавшим тогда еще и венгерский престол. Однако на самом деле это либо просто совпадение, либо даже попытка такое совпадение изобрести. Таких выдуманных, а иногда и реальных совпадений в биографии нашего героя полным-полно. Верить им следует с большой осторожностью. Именно благодаря вступлению в орден Дракона отец Цепеша получил фамильное имя «Дракул», перешедшее потом по наследству и к его сыну с прибавлением окончания «а» или «я», обозначающего принадлежность к роду.

Вовсе неочевидно и даже наверняка неизвестно, связывалось ли такое имя с представлением о нечистой силе. Этот вопрос я еще буду обсуждать. Известно только, что оно использовалось иностранными, владыками при официальном титуловании Цепеша, когда он был господарем Мунтении. Цепеш обычно подписывался «Влад, сын Влада» с перечислением всех титулов и владений, но известно и два письма за подписью «Влад Дракула». Совершенно ясно, что он носил это имя с гордостью и не считая его оскорбительным.

Прозвище «Цепеш», имеющее такое жуткое значение по-румынски, при его жизни не было известно. Скорее всего, еще до его гибели это прозвище употреблялось турками. Разумеется, в турецком

звучании: «Казыклы». Однако похоже, что и против такого имени наш герой нисколько не возражал. После смерти господаря оно было переведено с турецкого и стало использоваться всеми, под ним он и вошел в историю.

О юности Цепеша известно довольно мало, но все-таки больше, чем о молодых годах Штефана Великого. Все историки, и я вслед за ними, начинают рассказ о Штефане с момента вступления на трон. Лишь потом вскользь упоминается гибель отца Штефана в 1451 году и другие события, относящиеся к более ранним временам.

Даже год рождения Штефана (примерно между 1435 и 1440 годами) называют с еще большей неопределенностью, чем у Цепеша. Из юности молдавского господаря, как ни странно, известно в основном эпизоды, когда он находился рядом со своим старшим товарищем и кузеном. Цепеш был старше Штефана примерно на семь-восемь лет. Именно по тому, как обучали и воспитывали Цепеша, судят теперь и об образовании, полученном Штефаном.

Известно, что Влад с детства владел латынью, а также немецким и венгерским языками, прошел неплохое военное обучение на европейский манер, а затем, в бытность заложником у турецкого султана, досконально изучил обычаи, язык и военные приемы своих будущих противников. Все перечисленные знания Цепеш умело и изобретательно применял на практике. Стиль его латинской официальной переписки превосходен. Многими военными победами над турками Влад обязан именно своему знанию тонкостей поведения врага.

Перипетии драматической и, даже позволю себе выразиться, фантастической судьбы Влада Цепеша становятся понятнее, если разобраться во взаимоотношениях двух семейств, а именно, Дрэкулешти - рода потомков отца Цепеша, Влада Дракула (к этому роду отнесли впоследствии и братьев отца, которые, вообще говоря, такого имени сами никогда не носили). И Корвинов, два главнейших представителя которого, Янош и Матиаш Хуньяди, сыграли определяющую роль в событиях жизни Влада.

Нельзя сказать, что между этими семьями существовала вражда, как между Монтеки и Капулетти. Часто бывали моменты, когда их можно было не покривив душой назвать смертельными врагами. И все-таки шекспировская аналогия тут совсем не подходит. Даже зачин «две равно уважаемых семьи...» не годится семейство Дракулы поднялось только до князей, в то время как Матиаш Хуньяди стал королем Венгрии. Это стало возможным благодаря несомненным заслугам Яноша как организатора и руководителя антитурецкой борьбы на Балканах.

Соперничество же «на равных» у династии Дрэкулешти (Дракулешть) было с родственной им семьей Дэнешти - потомками одногиз господарей Мунтении Дана. Вот эти две семьи в борьбе за валахский престол, не стесняясь в средствах, уничтожали друг друга при любой удобной возможности.'

Янош Хуньяди, сосредоточив в своих руках огромную власть, даже большую, чем его официальное положение (одно время он был правителем Венгерского королевства), распоряжался судьбами Трансильвании и Мунтении по своему усмотрению. Он решал, кому быть господарем Мунтении, поскольку его поддержка гарантировала претенденту успех, а его сопернику - гибель.

Долгое время Янош держал сторону клана Дэнешти, чему есть объяснения. Все началось после неудачного Варненского крестового похода, когда 10 ноября 1444 года большая коалиция европейских союзников во главе с венгерским королем Владиславом потерпела поражение. Владислав пал в бою, а второй по рангу предводитель христиан, Хуньяди, сумел бежать с поля боя при обстоятельствах, которые многие посчитали доказательством его трусости.

Современные историки, проанализировав как причины поражения при Варне, так и события, развернувшиеся на поле боя, вроде бы восстановили репутацию Яноша. В поражении следует, похоже, винить самого Владислава, который, будучи менее опытным в военном деле, чем Хуньяди, не хотел прислушиваться к его мнению и допустил несколько роковых ошибок. Главных было две: остановка на привал накануне битвы вместо немедленного начала сражения и преждевременная попытка атаки на

главные силы турок с недостаточными для того силами в разгар самой битвы. То есть сперва Владислав чересчур промедлил, затем же поспешил, поступив в обоих случаях так прежде всего из упрямства, желая показать, что он не худший военачальник, чем Хуньяди.

Плохо обстояло дело и с взаимодействием с еще одной военной группировкой - галерным флотом, двигавшимся по Дунаю под предводительством Валеранда де Ваврина. Вообще крестоносцы в этой кампании продемонстрировали очень малую организованность, и хотя благодаря искусству Яноша Хуньяди сражение было в какой-то момент все-таки почти что выиграно, кончилось оно разгромом.

Янош был вынужден соглашаться со своим венценосным командиром, а когда тот бросился в авантюру, стоившую ему жизни, а союзному войску поражения, поспешил на выручку и при этом сам попал в весьма рискованное положение.

Однако сразу после проигранной битвы надо было срочно искать виноватого, и Яноша, казалось, не могли спасти ни оправданий, ни прежние заслуги. Не кто иной, как отец Цепеша, Влад Дракул, арестовал Яноша и заточил в темницу, а еще один славный борец с османами Георге Бранкович, даже предложил выдать его туркам. Султан, проявив рыцарство, отказался от предложения.

Тем не менее, через очень короткое время Янош Хуньяди не только оказался на свободе, но и стал регентом при новом малолетнем венгерском короле. Это можно объяснить только тем что кроме прошлых, весьма славных, заслуг и фактической невинности Янош вдобавок обладал еще и влиятельнейшими покровителями. Учитывая, что на регентство претендовали еще представители самых могущественных династий Европы, можно догадываться, что в роли заступника за Яноша выступил не кто иной как сам Папа Римский. •

В 1447 году по прямому приказу Яноша был убит отец Цепеша, а через короткое время погиб мучительной смертью и старший брат Влада Мирча.

Вообще остается впечатление, что семьи Корвинов и Дрэкулешти то обменивались между собою весьма чувствительными ударами, то как ни в чем не бывало возобновляли сотрудничество, превращаясь из лютых недругов в надежных соратников и обратно, при этом как будто и не испытывая друг к другу никаких сильных чувств

Такие взаимоотношения долгое время ставили меня в тупик и единственное объяснение, которое я для себя нашел, - что они просто соответствовали царящим в рыцарской среде того времени нравам, как видно, весьма смахивающим на нравы современных мафиозных кланов.

При этом семейство Корвинов, находясь в превосходящем положении по отношению к семье Дрэкулешти, наносило более чувствительные удары. Это не мешало ни отцу Влада, ни самому Владу через некоторое время возвращаться на службу к Корвинам и служить им. верой и правдой, иногда даже против своих собственных интересов. Известно, что этому могли предшествовать сложные и напряженные переговоры.

Так как отцу Влада приходилось уступать и более могущественному противнику турецкому султану и соглашаться на довольно суровые условия сотрудничества с ним (именно так два его сына были отданы заложники), то принцип «кто силен, тот и прав» впечатался сознание Влада Цепеша неизгладимо.

Из турецкой неволи Влад вернулся на родину законченным пессимистом, фаталистом и с полным убеждением в том, что единственными движущими силами политики служат сила или угроза ее применения.

ТУРЕЦКИЙ СТАВЛЕННИК

Нельзя сказать, что Янош Хуньяди расправился с отцом Влада Цепеша «ни за что, ни про что». Вскоре после того, как в 1436 году Влад Дракул-старший вззошел на валашский трон, европейская антиосманская коалиция на Балканах на некоторое время развалилась. Главный ее организатор, Сигизмунд Люксембургский, конечно, был очень полезен в том, что касалось противостояния туркам. Но сам-то он для европейских стран, граничащих с его империей или входивших в нее, часто был «хуже турок».

Он сумел кроме венгерского престола взобраться еще и на чешский. Однако его политика в Чехии вызвала такое мощное и всеобщее возмущение, что ему пришлось уносить оттуда ноги подобру-поздорову. По пути в Венгерское королевство в декабре 1437 года император скончался. Янош Хуньяди к тому времени еще не смог обеспечить такое же мощное противостояние турецкому султану, как его предшественник. Султан немедленно начал экспансию на Балканах. Ближайшей целью его стала Валахия, а затем Трансильвания.

Влад Дракул, несмотря на свое членство в ордене Дракона, был вынужден сдаться на милость султану. Более того, ему пришлось сопровождать того в грабительском походе османской армии при участии подчиненных ей сербских войск в Трансильванию в 1438 году. Конечно же, он пытался использовать свое положение для смягчения турецкого удара.

Его основной заботой были крепости, переходившие в руки турок. Он договаривался о сдаче их без боя, лишь бы они остались целыми. Замысел был прост - через некоторое время, когда соотношение сил поменялись, Дракул отобрал все сданные крепости обратно. И при этом он также ухитрялся договариваться с турецкими гарнизонами о бескровной сдаче: они не оказывают сопротивления, он гарантирует им неприкосновенность при отступлении.

Все это никак иначе, как сотрудничеством с врагом, назвать было нельзя, однако вину поставить ему было тоже сложно - в одиночку с могучей турецкой армией Валахия справиться не могла. Альтернативой была бескомпромиссная борьба, а после верного проигрыша последовало бы превращение страны в провинцию Османской империи - пашалык.

Захваченные таким образом страны считались «отвоеванными дня Аллаха», то есть по праву принадлежащими султану. Вернуть после этого свободу своей стране было мало реально. Лучше уж было согласиться на частичные уступки, чтобы турки предоставили Валахии статус «мумтаз эйялет» - «привилегированной провинции». Это примерно соответствовало Положению вассала европейской страны. Тогда можно было надеяться на избавление от зависимости при перемене соотношения сил.

Турки умело пользовались угрозой полного завоевания и таким образом постоянно выжимали уступки из своих более слабых соседей, намеченных в жертву.

Султан догадывался о том, что Влад Дракул может быть ему неверен и попытается при первой же возможности освободиться от опеки: В октябре 1442 года он вызвал его в столицу - тогда еще Адринополь - вместе с двумя его сыновьями, Владом (Цепешем) и Раду. Еще один сын, Мирча, самый старший (ему тогда было 13 или 14 лет), временно заменил отца на господарском престоле.

Через несколько месяцев, уже в 1443 году, отца отпустили из Адрианополя, детей же оставили в заложниках. Содержались они не в столице, а в отдаленной крепости под названием «Эгригёз», что означает «Косой (или, может быть, кривой) глаз».

Несмотря на то, что его сыновья оставались заложниками султана, Дракул-отец включился в антитурецкую борьбу, участвовал в битве при Варне в 1444 году, в нескольких последовавших за ней экспедициях крестоносцев под руководством Яноша. Тогда-то, в 1445 году, он и отобрал свои придунайские крепости у турок. Вынужденное сотрудничество с султаном для него осталось в прошлом.

Однако тут он сделал ещё один политический шаг, вызвавший гнев Яноша Хуньяди. В очередном споре за престол Молдовы он поддержал не ставленника Яноша, а его соперника. И вообще продемонстрировал стремление проводить независимую политику. Этому Янош тему не простил и в 1448 году организовал военную экспедицию в Валахию, захватил Дракула и обезглавил его. Мирча, оставшийся справить вместо отца, не поладил с подданными (похоже, он был по молодости горяч и бескомпромиссен), и его сперва ослепили, а затем похоронили заживо славные жители города Тырговиште - тогдашней столицы Валахии.

После смерти отца Влада Цепеша отпустили из заложников с тем, чтобы он занял пустующий валашский престол. Так что на свое первое, очень кратковременное господарство Цепеш попал с турецкой помощью.

НЕТ. ВСЕ-ТАКИ ГРОЗА ТУРОК!

Когда Влад Цепеш осенью 1448 года в первый раз стал господа-рем, Янош Хуньяди был занят важной битвой при Косовом поле (увы, закончившейся победой турецкой армии), но затем он очень быстро сместил Цепеша, сам на некоторое время объявив себя правителем Валахии. Однако расправиться с Владом физически Янош не сумел, Впрочем, рассиживаться на валашском троне Яношу было недосуг, и он быстро подобрал себе замену в лице Владислава II, бывшего и до того господа-рем Валахии.

Пока происходили эти события, придунайские валашские крепос-ти опять перешли в руки турок.

Некоторые вполне серьезные исследователи считают, что Влад Цепеш был отпущен или даже бежал из турецкого плена раньше на несколько лет и участвовал в битве при Варне. Похоже, что их соблазнила возможность представить Влада непосредственным учеником лучших рыцарей той эпохи, собравшихся вместе по случаю Крестового похода. Тогда поведение Влада выглядело бы вообще некрасиво, поскольку это означало бы, что он еще раз вернулся в Турцию, на этот раз добровольно, в поисках защиты и поддержки, а затем воспользовался этой самой поддержкой для восхождения на престол.

Одно дело - вынужденное использование турецкого содействий, которое можно рассматривать как компенсацию за неволю. С моральной точки зрения заложник не слишком-то обязан затем хранить верность султану. Совсем другое - сознательное обращение к Порте за защитой, то есть добровольное сотрудничество со злейшим врагом.

Отрывок из исторической хроники, на который ссылаются ученые при обосновании своей точки зрения, сообщает, что Влад Дракула при Варне сопровождал сын, самостоятельно участвовавший в сражении. Но все говорит за то, что это был Мирча, а Влад оставался в заложниках и был отпущен только после гибели отца.

Время после своей не слишком-то удачной попытки удержаться троне Валахии Влад Цепеш провел под защитой молдавских господа-рей. В это время он успел проявить свое военное мастерство, няв участие в борьбе против попыток Польши завоевать Молдову. Там же он познакомился и подружился со Штефаном. После про-исшедшей в 1451 году расправы над Богданом, отцом Штефана, чудом избежавшие ее оба молодых князя перебрались в Трансильванию под опеку Яноша Хуньяди.

Неизвестно, почему за это время отношение Яноша к Владу Цепешу поменялось. Может быть, к этому времени оказалось, что представители клана Дэнешти, на которых ранее рассчитывал Янош, не оправдали его надежд и начали сотрудничать с турками. Возможно, сам Влад каким-то образом успел проявить себя и доказать свои антитурецкие устремления.

Можно только отметить, что впоследствии оказалось, что в этом отношении на Влада вполне можно было положиться. Все участники борьбы с Османской империей - и отец Цепеша; и несколько

позже Штефан чел Маре, бывали вынуждены иногда идти на компромиссы, не исключением был даже сам Янош Хуньяди. Самым бескомпромиссным в этой пестрой компании оказался именно Влад Цепеш.

Несмотря на свое убеждение в том, что прав сильнейший, он как будто не считался с мощью Османской империи, дерзко бросая ей вызов. Будто бы он хотел доказать, что он сильнее турок (и, кстати говоря, это ему не раз удавалось).

Удивление вызывает его верность правителям Венгрии, которые принесли лично ему множество бедствий, и устремления которых распространить свою власть на Валахию были так же очевидны, как намерения турецкого султана. В этом отношении и Дракул старший, и Штефан проявляли больше стремления к самостоятельности. Для них было важнее не европейско-османское противостояние, а сохранение независимости собственных владений.

Прибыв ко двору Яноша Хуньяди, Влад тут же принял участие в его военных экспедициях, в которых ему поручались самостоятельные задания стратегического характера. Теперь его боевое искусство во проявилось в полном блеске. В 1456 году Янош поддержал Влад в успешной попытке занять валашский престол.

Его соперник, Владислав II, был умерщвлен, но затем похоронен со всеми полагающимися почестями и обрядами. Более того, впоследствии в его память Владом Цепешем была выстроена церковь.

Такому поведению затем подражал Иван Грозный, зачитывавшийся манускриптами с жизнеописанием Цепеша. Однако если у Грозного злодейство и покаяние следовали друг за другом с каким-то истерическим надрывом, то Цепеш, похоже, уничтожал соперников вполне хладнокровно, а церкви в их честь строил просто потому, что так было положено.

Так началось второе правление Влада Цепеша в Валахии, во время которого он и стал героем легенд и совершил большую часть своих деяний, вызывающих до сих пор самые разноречивые оценки.

К этому моменту стратегическое положение на Балканах опять изменилось. В 1453 году Турция захватила Константинополь, что означало окончательное падение Византийской империи. В 1456 году, после важнейшей победы в Белградской битве, на время остановившей движение турок на запад, от чумы, разразившейся в военном лагере, скончался Янош Хуньяди.

В результате оказалось, что главная тяжесть антитурецкой борьбы падает на Влада Цепеша, не располагавшего столь мощными ресурсами для ведения военных действий, какие были в распоряжении фактического правителя Венгрии Яноша. Для успешного ведения любой войны, а уж тем более с таким грозным соперником, необходимо было укрепить свою власть и навести порядок в собственной державе. К осуществлению этой программы и приступил Цепеш в присущем ему стиле.

Первое, что, согласно исторической хронике, совершил Влад, утвердившись в тогдашней столице Мунтении, городе Тырговиште, - выяснил обстоятельства гибели своего брата Мирчи и покарал виновных.

Он приказал вскрыть могилу брата и убедился, что тот, во-первых, был ослеплен, а во-вторых, перевернулся в гробу, что доказывало факт погребения заживо.

Согласно хронике, в городе как раз праздновали Пасху, и все жители принарядились в самые лучшие одежды. Усмотрев в таком поведении злобное лицемерие, Цепеш распорядился заковать всех в цепи и отправил на каторжные работы по восстановлению одного из предназначавшихся им для себя замков. Там они должны были работать до тех пор, пока парадные одежды не превратятся в лохмотья.

Звучит рассказ психологически вполне достоверно, да и документ, в котором он содержится, вроде заслуживает доверия. Это не памфлет, написанный врагами Влада, а добротный труд, написанный беспристрастным летописцем, причем почти одновременно с происходившими событиями.

Однако зададимся вопросом - а можно ли верить этой истории, описанной в хронике?

Власть в Мунтении была захвачена Владом 22 августа 1456 года, после расправы над соперником, гибель которого произошла 20 августа. При чем здесь Пасха, ведь дело шло к осени?

Более правдоподобно выглядит предположение, что события эти относятся к первому вступлению Влада на трон, в 1448 году, непосредственно после гибели брата. Однако тогда он господствовал всего лишь два осенних месяца - с октября по начало декабря, то есть никакого пасхального праздника тоже не могло быть.

Получается, что мы имеем дело с легендой, каким-то образом искажившей действительность, сместившей события или связавшей воедино разные происшествия, изначально друг с другом никак не связанные. Попытки как-то совместить ее с исторической реальностью кончаются ничем.

Возможно, некоторые детали, попавшие в хронику, и соответствуют реальности. Я, например, с доверием отношусь к самому первому эпизоду - вскрытию могилы Мирчи - и считаю, что такое событие могло действительно произойти, причем еще в 1448 году, когда Цепеш стал господарем в первый раз.

Что наверняка подтверждается упомянутой хроникой на самом деле - так это тот факт, что легенды о правлении Влада

Цепеша стали складываться практически сразу же с его началом. Кстати говоря, хотя все эти рассказы содержали описание разнообразных жестокостей, совершаемых Владом, общий тон их был скорее восторженным. Все они сходились на том, что Цепеш в кратчайшие сроки навел в стране порядок и добился ее процветания. Однако средства, которые при этом он использовал, вызывают в наше время далеко не столь единодушный восторг.

КАКИЕ СКАЗКИ ПРО НЕГО СОЧИНЯЛИ

К сожалению, описывая внутривластную деятельность Влада Цепеша, приходится ссылаться на те самые легенды, которые я хочу оспорить. Другие свидетельства слишком малочисленны. Вот когда речь заходит о военных операциях, дело обстоит куда лучше. В этих случаях сведения и полнее, и достовернее.

Придется немного объяснить, откуда берутся эти легенды. Во первых, деятельность Влада Цепеша была изображена в десятке книг - сперва рукописных, а после сделанного Гуттенбергом изобретения и печатных, созданных в основном в Германии и в некоторых других европейских странах. Все они сходны, так что, видимо,

опираются на какой-то один общий источник. Другая группа сборников легенд представлена рукописями на русском языке. Они близки друг к другу, похожи они и на германские книги, но кое в чем от них отличаются.

Источник, к которому восходят немецкие манускрипты, написан явно врагами Цепеша и изображает его самого и его деятельность в самых черных тонах. С русскими документами сложнее. Не отказываясь от изображения жестокостей Влада, они пытаются найти для них более благородные объяснения и смещают детали так, чтобы те же самые поступки выглядели в предлагаемых обстоятельствах и более логично, и не так мрачно.

Есть еще и третий источник - устные предания, до сих пор бытующие в Румынии. В XIX веке они были записаны. Они колоритны, но в качестве опоры для поиска истины служить не могут. Сказочный элемент, наслонившийся за несколько веков устной передачи, в них слишком велик.

Кто-то из современных исследователей-любителей решил проблему соотношения правды и лжи о Цепеше простым способом. Он решил: раз немецкие источники поносят Влада, а русские - выгораживают, возьмем только те рассказы, которые содержатся и там, и там. Эти уж точно будут соответствовать истине.

Однако такой метод порочен. Русские манускрипты написаны, как уже доказано учеными, на основе немецких. Они изображают Цепеша в несколько более мягких тонах, но уж если ему было приписано какое-то деяние, то оно так и остаётся приписанным, лишь с другим объяснением.

Так что если в немецком источнике содержалась ложь, то в рус-фком она и осталась, только в более умеренном виде.

Но что делать, других описаний этих событий не найти. Да и вообще - как это, рассказывать о Владе Цепеше и не изложить самых распространенных баек про него? Поэтому я расскажу с десятков историй, придерживаясь в основном тех, что есть и в немецких, и в русских книгах той эпохи. Но с предупреждением, что верить им полностью никак не стоит. Затем придется долго объяснять, чему верить точно нельзя, а чему все-таки можно.

Остается лишь надеяться, что они достоверно передают общий Мрачный колорит эпохи, и что хотя и менее достоверно, но они все-таки передают впечатление от личности Цепеша.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. ЗОЛОТАЯ ЧАША

Сажая на кол всякого и за любую провинность вне зависимости от сословного положения преступника, Влад Цепеш искоренил воровство и другие преступления. Для демонстраций этого социального достижения возле колодца на центральной столичной площади была поставлена золотая чаша для питья. Ею пользовался любой желающий, ее никто не сторожил, но украсть не рискнул никто за много лет. Все знали, что розыск будет скорым, а расправа суровой.

Этой истории можно поверить. Она отражает одну из характерных черт личности Влада - демонстративность многих из его действий. Эта черта надежно подтверждается, например, его военной практикой, зафиксированной в истории более достоверно.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. ПОДЛОЖЕННЫЙ ДУКАТ

Понадеявшись на введенные Цепешем порядки, какой-то важный купец оставил все свое добро на ночь на повозке прямо на улице. Обнаружив пропажу 160 дукатов, он пожаловался господарю. Цепеш распорядился, во-первых, срочно разыскать вора, а во-вторых, не дожидаясь поимки, потихоньку возместить утерянную сумму, добавив один дукат.

На следующее утро благодарный купец с удивлением сообщил Владу, что воры вернули ему на одну золотую монету больше, чем украли.

- Если бы ты не сказал мне про лишний дукат, то попал бы на кол рядом с вором, - ответил Цепеш, показывая на уже казненного к тому времени преступника.

История верно рисует психологический портрет Цепеша, но больше похожа на выдуманный анекдот. Что здесь правильно отражено, так это активное и непосредственное вмешательство Цепеша в торговые дела. Это соответствует реальности.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. ДВА МОНАХА

Двух монахов, посетивших Валахию и удостоенных приема у Цепеша, господарь спросил, что говорят о нем в народе. Один сказал правду - мол, говорят, что злодей, каких мало, а другой сказал, что все хвалят его мудрое правление.

У этой истории два разных варианта, в зависимости от источника. По немецкому варианту Цепеш казнил смельчака, дерзнувшего передать непочтительные речи, по русскому - лицемера, осмелившегося ся солгать перед лицом господаря. Другой монах был награжден и отпущен.

История скорее анекдотическая, чем истинная. На самом деле вариантов еще больше, так как заданные вопросы и ответы на них везде разные. Определить, какой из них ближе к реальности, нельзя. Вероятнее всего, это выдумка.

На мой взгляд, оба монаха сказали правду: все хвалили его правление, но считали отъявленным злодеем.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ. НАХОДЧИВЫЙ ОТВЕТ

Посланнику одной из соседних стран во время обеда был показан разукрашенный и позолоченный кол, установленный по приказу господаря прямо напротив гостя. Влад спросил его, зачем, по его мнению, это сделано. Тот ответил, что, вероятно, какой-либо очень знатный боярин не угодил господарю и что Влад хочет, чтобы казнь была более почетной, поэтому кол позолочен. Цепеш ответил, что кол предназначен для того, чтобы оказать почести самому гостю. Посланник не растерялся и ответил, что, если Дракула считает, что он в чем-то провинился, пусть казнит, а вину за казнь он принимает на себя, раз уж так вышло, что он заслужил немилость господаря.

Цепешу понравился ответ, и он осыпал гостя дорогими подарками, заявив, что любой другой ответ привел бы к немедленной казни.

У этой истории есть черты, позволяющие считать ее выдумкой, но в некоторых источниках сообщаются такие детали, как точное имя посланника и точная дата, когда произошло это событие. Такие детали могли быть добавлены позже специально для придания достоверности, но на меня они действовали убеждающе.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ. НЕПОЧТИТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЫ

Послы какой-то из важных стран (по немецким источникам - одной и европейских, а по русским, разумеется, Турции) отказались снять головные уборы на приеме у господаря, объяснив, что таков обычай их страны и что они не обнажают голов даже перед императорами. Господарь похвалил их обычай и, чтобы он не мог быть нарушен даже по случайности, приказал приколотить шапки к головам послов гвоздями. Анализируя эту историю, я пришел к выводу, что она полностью фантастична. Послы более удаленных от Валахии стран прибывали от нее лишь тогда, когда эти страны были заинтересованы в контакте. В этом случае непочтительность была неуместна просто потому, что приводила к провалу миссии. Послы соседних стран, в том числе и Турции - то есть тех, у которых возникали претензии к Валахии, - были прекрасно осведомлены не только о протоколе господарских приемов, но и о том, что Влад Цепеш знаком с их собственными обычаями. Никакого спора на эту тему возникнуть просто не могло. Турки действительно не снимали тюрбанов, но это было Цепешу хорошо известно и не могло вызвать разногласий.

Можно подумать (и кое-кто так и считает), что это был просто повод очередной раз демонстративно порвать отношения с Турцией. Действительно, зафиксировано несколько реальных случаев прямого вызова в адрес султана со стороны Влада и расправ над послами, но они происходили совсем не так.

Интересно, что по некоторым сообщениям кто-то из русских князей, а может быть, царь Иван Грозный, впоследствии претворил в жизнь этот эпизод, по отношению к Цепешу выдуманный.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ. НЕСЧАСТНАЯ ЛГУНЯ

У господаря была любовница в городе, он время от времени ее навещал. Как-то, заметив, что ее возлюбленный чем-то озабочен и желая порадовать его, она сказала, что у нее будет ребенок.

Влад послал повивальных бабок проверить сказанное. Выяснилось, что женщина солгала. Тогда Цепеш явился к ней и сказал, что хочет сам разыскать обещанного ребенка. Он взрезал живот своей жертве, после чего оставил ее истекать кровью.

История совершенно неправдоподобная. Видно, что она сочинялась людьми, далекими от господарского быта и незнакомыми с его реалиями. Кроме того, она рисует Цепеша патологическим злодеем. Это, скорее всего, неверно. Его злодеяния были показными: он хотел, чтобы его считали кровопийцей, но непохоже, чтобы он действительно упивался расправами.

Все историй, изображающие Влада Дракулу кровожадным монстром, совершающим бессмысленные жестокости, несут на себе те признаки сказочной выдумки. Особенно много таких среди рассказов, что передавались изустно и были записаны лишь через несколько веков. Но очевидно, что и письменные источники близкой к жизни Цепеша эпохи составлялись прежде всего на основе молвы, передаваемой из уст в уста. И уже тогда кое-какие из историй были просто сочинены, ведь как врагов, так и просто людей, напуганных энергичным господарем, было тогда более чем достаточно.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ. НЕРАДИВАЯ ЖЕНА

Как-то Дракула заметил работающего в поле крестьянина, рубаха которого была чересчур коротка. Цепеш выяснил, есть ли у бедняка жена, затем поинтересовался, достаточно ли льна выращено им, чтобы хватило на рубашку. Оказалось, что достаточно. Определив таким образом, что виновна жена, он распорядился казнить ее, а крестьянину «выдать» новую - не рубаху, а жену, разумеется. Как ни умолял бедняга, объясняя, что он доволен и нынешней супругой, это не помогло, и она была посажена на кол..

В эту историю можно поверить. Известно, что и Штефан Великий изредка производил подобные показательные экзекуции простых людей (правда, по несколько более серьезным поводам). Следует отметить, что такие жесты всегда воспринимались народом восторженно: «Вот же, и про нас думает, и нас, ничтожных, замечает!» - и весьма способствовали укреплению господарского авторитета. Не вызывает сомнения, что Штефан научился этому приему у своего кузена Цепеша.

ИСТОРИЯ ВОСЬМАЯ. БРЕЗГЛИВЫЙ ВЕЛЬМОЖА

После очередной расправы, посадив на кол сразу 30 тысяч человек, Цепеш, чтобы насладиться результатами своего труда, устроил обед прямо посреди леса кольев с телами казненных. Он заметил, что один из бояр (по другим вариантам, посол из соседней страны или гость-купец) зажал нос, чтобы избавиться от ужасного запаха растерзанных тел. Тогда Дракула приказал казнить и брезгливца, поместив его на самый высокий кол, чтобы запах остальных жертв его не беспокоил.

Эта история полна фантастических выдумок. Тридцать тысяч сразу Цепеш никогда на кол не сажал. Тем не менее эта цифра часто встречается в описаниях жестокостей Дракулы. О ее происхождении я расскажу позже.

Однако если освободить рассказ от численных и некоторых других преувеличений, то в каком-то из вариантов (не тридцать тысяч, а, скажем, полдюжины, а не обед, а просто прогулка среди жертв) он выглядит достаточно достоверно. Вряд ли Цепешу действительно доставлял удовольствие запах разложения, но побахвалиться своей выносливостью вполне в его характере.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТАЯ. СОЖЖЕНИЕ НИЩИХ И УБОГИХ

Решив, что в Валахии развелось слишком много попрошаек и увечных, от которых государству нет никакой пользы, Цепеш собрал их всех на роскошный обед в огромном зале. После сказочного угощения Дракула обратился к своим гостям, спросив их, не хотят ли они быть навсегда избавленными от забот и голода? Получив утвердительный ответ, он приказал запереть выход из зала и поджечь здание.

Немного иной вариант этой истории, более похожий на правду, можно найти в одном из документов той эпохи, заслуживающем несколько большего доверия. Там речь идет о некоей не столь многочисленной группе нищих юношей, собранных Цепешем со всех ярмарок страны и якобы прибывших в Валахию для «изучения языка». Если учесть толкование некоторых языковедов, прочитавших соответствующее немецкое выражение как синоним слова «шпионить» (сравните сходный русский термин «брать языка»), то рассказ становится не таким противоречивым и фантастическим, как кажется поначалу.

ИСТОРИЯ ДЕСЯТАЯ. ВЕРНЫЕ БОЯРЕ

Собрав всех бояр на пасхальный (далась же сочинителям баек эта Пасха!) обед вскоре после своего восхождения на престол, Влад задал им вопрос: скольким государям каждый из них служил за все время? Ответы оказались впечатляющими: кто - пятнадцати, кто - семнадцати и, и лишь самые молодые из бояр служили всего семи государям.

Указав боярам на то обстоятельство, что в подобной текучести в среде правителей страны повинно их собственное вероломство, Цепеш расправился с ними. Варианты расправ различны - либо все были посажены на кол, либо, как в той истории про вскрытие могилы брата Цепеша, Мирчи, отправлены на каторжные работы по строительству замка, либо заперты в пиршественном зале и сожжены.

Этот рассказ выдает технологию возникновений историй: различные детали в них свободно взаимозаменяются и сочетаются в зависимости от намерений автору. Почти наверняка пиршество первоначально никак не было связано с Пасхой. Мало ли поводов для пиров, начиная с самого первого - праздника по случаю воцарения, - возникало при дворе Цепеша. Нереально, чтобы он со своими ехидными вопросами дождался именно весеннего праздника.

По появлению боярских имен в различных документах того времени можно проследить за текучкой среди бояр. Она оказывается внушительной. За первых два-три года правления Влад уничтожил одиннадцать из своих великих бояр, заменив их новыми людьми. Это почти половина их общего числа. Но эти казни не были одновременными, то есть для каждого из сановников был найден отдельный повод и отдельный момент для расправы.

Затем, на четвертом году правления, был разоблачен крупный заговор бояр против Влада. Тогда он казнил сразу большое количество своих приближенных. В конце концов среди его ближайших помощников осталось лишь два человека, принадлежащих к старинным боярским родам.

Предательское поведение по отношению к Цепешу было не редкостью, и никаких искусственных поводов государю искать не надо было. Он расправлялся тогда, когда считал того или иного вельможу неверным. Насколько он был справедлив, уже не проверить. Насколько был суров, можно судить, сравнивая его действия с действиями других правящих персон того времени. У меня не было

возможности провести строгое сравнение, но на первый взгляд получается, что Цепеш превышал средний уровень количества расправ над боярами, но вряд ли был рекордсменом.

Что же в итоге остается от всего рассказа? Возможно, на одном из первых же пиров после воцарения Цепеш и задал боярам свой провокационный вопрос, а затем хорошенько припугнул, обвинив в вероломстве. Но никакой массовой казни в тот момент он не учинил. Правда, непосредственно перед тем, как взойти на престол, одно-временно с расправой над Владиславом II он уничтожил и всех поддерживавших соперника бояр. Но это было самой обычной практикой и вообще никрго не волновало.

Вероятно, существовала какая-то довольно многочисленная труппа людей, отправленных на каторгу. Цепеш вел активное строительство, и хотя обычно этими тяжелыми работами занимались крепостные крестьяне (это считалось заменой воинской повинности, которой они не подлежали), наверняка были случаи, когда таким образом Дракула наказывал кого-то - но к истории с боярами это не имеет отношения.

Можно с большой долей достоверности допустить, что за все время его бурной деятельности действительно произошел и эпизод с сожжением заживо некоей пирующей компании. Разумнее всего соотнести его именно с теми нищенствующими молодыми людьми, которые были заподозрены в шпионаже.

Мотив пасхального праздника присочинялся авторами историй для того, чтобы показать безбожие Дракулы, само имя которого можно было толковать как доказательство отступничества от бога.

А весь рассказ целиком - это умелая литературная обработка, в которой обрывки правды соседствуют с вымыслом, и достоверным в ней является лишь само утверждение, что да, какие-то казни Цепеш совершал. Ну, это можно заявить про любого правителя той эпохи, не рискуя особенно ошибиться.

ИСКУССТВО НАЖИВАТЬ ВРАГОВ

Что же более точно известно про деятельность Влада Цепеша в начале его правления?

Он сразу же занялся укреплением страны и подготовкой к военным действиям, имея в качестве предполагаемого противника прежде всего Османскую империю, добился реального суверенитета над всеми владениями, которые он считал своими, постарался обеспечить себе дружественное соседство и подыскать союзников, а также стремился улучшить экономическое развитие страны и оживить торговлю.

Каждая из этих целей сложна сама по себе, да еще и входит в противоречие с другими. Для создания и вооружения армии требуются большие налоги, но если их поднять выше некоторого уровня, страна разорится и налоги брать будет не с кого. Суверенитет над своими землями необходим, но ведь часто соседи тоже претендуют на те же самые области, - значит, прощай добрососедское сотрудничество.

Многое у Влада выходило удачно. Было построено много крепостей, церквей и монастырей. Религиозные постройки имели не только идеологическое, но и военное значение - они служили убежищами в случае нападения врага. Именно Цепеш построил в захолустном местечке Букурешть крепость, а впоследствии и перенес туда столицу страны, так что его по праву можно считать основателем современного Бухареста.

Влад реформировал армию, согласно самым новейшим воззрениям того времени. Они очень хорошо совпадали с его собственными интересами: было создано - постоянное ядро армии, подчиненное непосредственно государю. Так как Дракула не слишком доверял боярам, такой подход для него был единственно возможным.

Как Цепеш укреплял личную власть, примерно ясно из предыдущего очерка. Но тут он, пожалуй, перестарался. Он сумел внушить страх перед собою всем приближенным, считая, что это - лучший способ

добиться их верности. Но страх этот был настолько силён, что часто перевешивал страх перед врагами, например, теми же турками. Поэтому на практике получилось, что Дракулу предавали гораздо чаще, чем, например, Стефана чел Маре.

В вопросе о границах владений Влад тоже отличался от Стефана. Тот придерживался идеи «богом данных», естественных границ и добился договоров о разграничении со всеми соседями, в первую очередь с Валахией и Трансильванией. При этом границы проводились по линии водораздела Карпатских хребтов, само наличие которых, собственно, и определило существование трех отдельных румынских княжеств. От других государств Молдову отделяли водные рубежи.

Дракула же считал любые границы условностью, определяемой не столько естественными причинами, сколько возможностями того или иного владыки захватывать и удерживать за собою земли. Принимались им во внимание и соображения наследственного права, очень важные в те времена. И его претензии не ограничивались географическими рамками Валахии, определяемыми горными хребтами и реками, а выходили за них. Нужно еще учитывать, что вся южная часть Валахии от моря до Дуная была уже захвачена турками, и Дракула пытался компенсировать недостающее за счет Трансильвании.

Дело в том, что еще его отец перед приходом на валашский престол получил от Яноша Хуньяди несколько областей, относящихся к Трансильвании - а значит, формально входящих в Венгерское королевство. При этом каждый из участников этой операции имел свои воззрения на ее политический смысл.

Властитель Венгрии считал так: раз валашский господарь благодарностью принимает от нас права на эти территории, жалованные за верную службу, то тем самым он признает себя подчиненным венгерской короне. Так что получается, что ее власть распространяется и за формальные границы Венгрии - не только на Трансильванию, но и на Валахию. А если что, то можно и отобрать земли назад.

Так, кстати, и произошло - в какой-то момент Янош передал трансильванские владения Дракула-отца представителю клана Дэнешти. Затем решил, что Дэнешти ему неверны, стал благоволить к Цепешу и умирая, дал наставления королю Венгрии Владиславу Постуму, при котором был регентом, поддерживать Дракулу. Сперва король, ставший самостоятельным, так и делал, что и позволила Владу занять трон Валахии через две недели после смерти Яноша. Затем Постум передумал и отдал эти земли другому валашскому претенденту.

Валашские же господа, особенно сам Цепеш, считали, что эти трансильванские области, попав однажды под их власть, теперь являются частью Валахии. Единственная проблема для Влада заключалась в том, можно ли реально захватить их под свой контроль или же могучая Венгрия не позволит этого сделать. У Венгрии были другие проблемы - там после смерти Яноша шла борьба за трон, обстановка в королевстве была неопределенной, а момент для предъявления прав на спорные земли - подходящим.

В этих землях процветала торговля и они, видимо, давали солидный доход, а также чисто условный титул герцога. По политическому значению они были менее важными, чем многие из графств. Власть «герцога» была сильно ограниченной, поскольку всем заправляли мощные общины купцов-колонистов, управляемые советами старейшин. Они могли напрямую обращаться к венгерскому королю и часто правом пользовались.

Колонисты - секеи и саксы из Северной Германии и Нидерландов - были приглашены в Трансильванию уже довольно давно кем-то из королей Венгрии и обосновались весьма капитально. В основном документе, определяющем права жителей Трансильвании, называемом «Золотой буллой», устанавливались права трех наций - венгров, саксов и секеев. Местное крестьянское население вообще не упоминалось, что до сих пор дает повод некоторым венгерским историкам утверждать, что румын в Трансильвании тогда просто не было. Для румынских же историков это - доказательство факта угнетения их предков.

Сразу после воцарения Цепеш написал в адрес купеческих общин весьма доброжелательные письма, обещая соблюдать их старинные привилегии и призывая к сотрудничеству. Однако под сотрудничеством каждая из сторон понимала нечто свое.

Купцы не считали Зазорным поддержать перед венгерским королем другого претендента на валашский престол и платить налоги не Цепешу, а его сопернику. Влад же имел собственные взгляды на привилегии трансильванских купцов в Валахии. Те привыкли безраздельно там хозяйничать, поскольку местные торговцы не имели связей с другими странами и никакой конкуренции создать немцам-колонистам не могли. Цепеш стал вводить законы, защищающие права местных купцов, сперва в рамках договоренностей с трансильванцами, а когда поссорился с ними сильнее, то и ограничивая их привилегии. Кончилось тем, что он запретил купцам-колонистам розничную торговлю в Валахии, учредив три ярмарки, на которые и могли привозить те свои товары для продажи местным торговцам. Было введено право первой покупки при транзитном следовании товаров - любой приглянувшийся им товар местные купцы имели право приобрести, даже если хозяин намеревался везти его дальше.

Однако еще до того конфликт Цепеша с купцами обострился настолько, что он прибег к военной силе, совершая набеги, чтобы ликвидировать претендентов на свой трон (одного он уничтожил, а других напугал настолько, что те долгое время не пытались ему противостоять), утвердить свою власть и проучить своевольных торговцев.

При этом Цепеш не ограничился обычными грабежами и поджогами, считавшимися в те времена в таких случаях вполне допустимыми и оправданными. В этих экспедициях он впервые начал применять массовые показательные казни, отправляя на кол сразу большое количество противников.

Насколько казни были массовыми, определить довольно трудно. В описаниях, оставленных врагами Влада, во всех случаях фигурирует сакраментальная цифра в тридцать тысяч жертв. Однако если бы Цепеш и вправду расправлялся с немецкими колонистами темпами, то их община просто перестала бы существовать. На деле же она по-прежнему процветала, несмотря на репрессии и ограничения в торговле.

Поэтому более разумная оценка - десятки одновременно посаженных на кол, что оказалось достаточным, чтобы навести на всех ужас. Власть свою над трансильванскими землями Влад утвердил, после чего поменял титул герцога на титул господаря этих областей,

подчеркнуть свою меньшую зависимость от Венгрии. Но никакого добрососедства не получилось. Наоборот, он нажил себе многочисленных и, как потом Оказалось; весьма опасных врагов.

Лучше обстояло дело с Молдовой. Влад помог взойти на трон Штефану и мог рассчитывать на его сотрудничество. Однако Штефану пришлось прежде всего налаживать отношения с Польшей сперва он повоевал с поляками, а затем заключил с ними договор, и получилось, что Влад и Штефан формально находятся в разных лагерях.

В общем, Цепеш навел порядок в стране, оживил ее экономику и укрепил границы, но цену за это заплатил несоразмерную. Впрочем, сам он, убежденный в том, что если его бояться - то это хорошо, сч^лтал, что все идет прекрасно. Вскоре он стал достаточно силен, чтобы бросить вызов главному противнику - Османской Турции.

ПОЧТИТЕЛЬНЫЕ ПОКЛОНЫ И КРОВАВАЯ БУХГАЛТЕРИЯ!

До тех пор, пока Цепеш не почувствовал себя достаточно сильным, он не вступал в пререкания с турками, а смиренно выполнял условия «перемирия», навязанные ими еще его брату Мирче. Османская империя вообще не понимала, что такое жить в мире с соседями: По убеждениям турок, мир был возможен лишь на территории самой империи, которую и следовало, якобы во имя Аллаха, расширять все далее. Остальной мир считался обиталищем злобных варваров, «домом войны». Даже для

мусульманских стран сам факт, что они до сих пор не покорились султану, доказывал их отступничество от воли Всевышнего. Что уж говорить о всяких гяурах. Воевать с ними значило расширять «дом Мира», укреплять мир.

Такие воззрения турки позаимствовали у сокрушенной ими Византийской империи, переделав их на свой лад и немного усовершенствовав. В несколько иной форме эти идеи проникли из Византии в Россию чтобы затем преобразоваться в советскую доктрину пролетарской революции и борьбы за мир во всем мире.

Однако не следует думать, что другие страны в те времена вели себя иначе. В конце концов, хроника «Тевдрих-и аль-и осман», то есть «Деяния османов», в которой турки живописали свою борьбу с Неверными». Была лишь подражанием написанной по-латыни рукописи «Жеста Хунгарорум» («Деяния венгров»), а та, в свою очередь, подражанием еще чьим-то «Деяниям». Отличие турок было лишь в большей откровенности и наглости притязаний.

Единственной возможностью для соседей Турции избежать немедленного нападения было заключение «перемирия», которое считалось лишь временным, обставлялось как величайшая милость со стороны султана и сопровождалось обязательной выплатой дани.

Какое там забивание гвоздей послам в головы! Влад исправно платил дань, лично отвозя ее султану и кланяясь ему с выражениями покорности. И султан, и Цепеш понимали, что это лишь формальность. Обоим было ясно, что при подходящем случае покорность быстро исчезнет. Но, в конце концов, и Владимир Ульянов в заявлении о своем зачислении в университет писал «покорнейше прошу Ваше превосходительство», как того требовали канцелярские нормы эпохи. Султан, разумеется, хотел бы, чтобы формальная покорность сменилась реальной, но был готов и к сюрпризам. Однако он и не догадывался, какие сюрпризы на самом деле его ожидают.

Чуть увереннее Влад почувствовал себя примерно на третьем году правления. Тогда оживились планы организации нового крестового похода. Римский Папа выделил на это предприятие солидную сумму. Да и сам Дракула уже достаточно укрепил свою власть и страну, чтобы потихоньку начать пренебрегать требованиями султана. Он перестал платить дань. Но открытого вызова туркам не бросал.

В частности, когда беи приграничных областей позволяли себе набеги на Валахию, Цепеш, успешно отбивая их нападения, затем непременно отправлял султану письма, в которых сообщал, что он; как покорный раб султана, был в очередной раз вынужден наказать такого-то султанского подданного, который превысил свои полномочия и нарушил султанскую волю, позволив себе напасть на дружественную его султанскому величеству страну.

На самом деле, возможно, воля его величества была иной! Но благодаря лицемерному византийскому стилю управления, когда начальство не отдает прямых приказов, а предоставляет подчиненный угадывать свои пожелания, султан мог делать вид, что сам он тут ни при чем и что он действительно верит Цепешу.

Планы крестового похода расстроились. Большинство стран отказалось от участия под самыми разными предлогами - кто был занят войнами с другими европейскими государствами, кто в качестве причины выдвинул экономические трудности. С большим трудом удалось заставить согласиться на участие в крестовом походе Венгрию. Борьба за трон в ней уже закончилась в пользу Матиаша, сына Яноша Хуньяди, но Гот вовсе не был уверен в своей победе. Его могучие соперники не собирались сдаваться. Он все-таки дал согласие, соблазненный большой суммой, которую ему посулил папа. Но и он ничего реально не сделал. Европейские антитурецкие планы ушли в песок, а султан наконец потребовал у Цепеша выплаты долга. Цепеш оправдывался тем, что будто бы не может отлучиться из страны.

Турки согласились присылать за данью своего представителя, но за задержку взносов увеличили размер дани, да еще добавили к ней выплаты натурой - следовало отдать туркам определенное количество овец и 500 мальчиков для пополнения янычарского корпуса.

Дракула потянул еще немного. И тогда, в самом конце 1461 года, султан пригласил его на переговоры «об урегулировании пограничных вопросов». Они должны были состояться в крепости Джурджу, одной из тех, о которых так пекся отец Цепеша, а ныне занятых турками. Цепеш отказался, предложив встречу в чистом поле и в более нейтральном месте. Турки с готовностью согласились.

Эта подозрительная покладистость, чересчур ласковый тон султанских писем и личность посла, отряженного султаном на встречу, навели Влада на мысль, что дело здесь нечисто.

Посол этот, бывший византийский дьяк Катаволинос, верой и правдой служивший теперь султану под именем Юнус - бея, был одним из хитрейших дипломатов того времени. Сочетая знание европейских и обычаев с византийским двоедушием и османской наглостью - он преуспел в выполнении самых щекотливых поручений. Вот и на этот раз перед ним была поставлена цель - под любым предлогом заманить Влада в Турцию, чтобы появилась возможность захватить его.

Из посланного перед отправкой на переговоры письма Цепеша королю Матиашу следует, что Влад был прекрасно осведомлен о измерениях турок. Он отправился на встречу в сопровождении стад овец и 50 мальчиков, якобы предназначенных для первого взноса натурой, а также всей своей гвардии, численностью примерно три тысячи человек. В поддержку посольству Юнус-бея был отряжен наместник захваченной южной части Валахии комендант Никопольской крепости Хамза-паша. Его сопровождало около четырех тысяч воинов (по некоторым сообщениям, до десяти тысяч, но развитие событий показывает, что эта цифра нереальна).

Встреча состоялась. В результате турецкий отряд и посольство вместе с Юнус-беем и Хамза-пашой бесследно исчезли. Буквально будто сквозь землю провалились.

Впоследствии, разумеется, дело прояснилось, и уже современники Дракулы смогли составить примерную картину событий. Пользуясь необычно суровыми морозами (скованный льдом Дунай и болотистые низины возле реки стали пригодны для передвижения кавалерии), маневренная валашская армия внезапно окружила турецкое войско и частично перебила турок, а частично захватила их в плен. Операция была произведена так аккуратно, что ни один турецкий воин не вырвался из окружения. Это как раз и доказывает нереальность оценки численности турок десятью тысячами солдат. Такую армию, при благоприятных обстоятельствах, умелом руководстве и высоком боевом духе, можно победить с тремя тысячами лихих бойцов, обратив врага в бегство. А вот то, что совершил Влад, может быть, и возможно при полуторном превосходстве противника, но никак не при трехкратном.

Сам же Дракула никуда не девался, а весьма быстро объявился, захватывая одну крепость за другой. Несколько первых крепостей, начиная с Джурджу, он занял хитростью, выдавая себя и своих воинов за турецкий отряд из состава армии Хамза-паши. Тут-то и пригодились Владу знания, почерпнутые им в бытность заложником султана. Он с легкостью изображал из себя турецкого командира. У гарнизонов крепостей не вызывали никакого подозрения подаваемые сигналы, они открывали ворота, после чего их ждала быстрая гибель.'

Как огненный ураган пронесся Дракула по всей Южной Валахии, громя укрепление за укреплением, селение за селением. Скорость набега была такова, что он опережал известия о своем приближении. Да и передавать грозную весть было некому, поскольку Влад ичтожал всех до единого.

Масштабы учиненной им резни известны очень точно. Цепеш отправил королю Матиашу подробнейший отчет, в котором с леденящей душу аккуратностью дотошно перечисляется число жертв. 6414 в Джурджу (имеется в виду крепость и ее окрестности), 384 в Новиграде, 630 в Туртукае и так далее, строка за строкой, а в конце жуткого списка общий итог- 23809 убитых, не считая тех, числом не

менее 884, которые сгорели заживо в своих домах, и их головы было невозможно отыскать для точного подсчета. Вот это и была самая крупная расправа, совершенная Дракулой.

Влад очистил таким образом примерно половину территории, захваченной Турцией. Из другой половины началось повальное бегство. Результаты колонизации Южной Валахии были ликвидированы. Паника охватила и совсем недавно обжитый турками Константинополь, из него и его окрестностей также начался отток населения.

Король Матиаш округлил сумму до 25 тысяч человек и отрапортовал Папе Римскому, что под его, Матиаша, мудрым руководством одержана столь масштабная победа. Эта цифра, затем увеличенная молвою до тридцати тысяч (видимо, прибавлена численность армии Хамза-паши и посольства Юнус-бея), и приписывалась затем к каждому из деяний Цепеша, как к совершенным после того, так и к более ранним. Ни у Папы, ни у других европейских властителей сам факт резни не вызвал никакого возмущения, одно лишь одобрение.

ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Самым первым политическим последствием операции в приморской части Валахии стал династический брак - Влад породнился с королем Матиашем, взяв в жены его сестру (вероятно, двоюродную).

Разберемся, кого же уничтожил Цепеш во время своего набега. По оценкам военных специалистов, от 12 до 18 тысяч бойцов насчитывали гарнизоны крепостей, то есть более половины из 25 тысяч убитых составляли солдаты оккупационной армии, и подобное обращение с ними считается справедливым даже в наше время. А кто были остальные? - Никакая крепость не может долго существовать без поступления продуктов питания и фуража из близлежащей местности. Для этого окружающие земли должны быть заселены. От валашского населения они были очищены турками. Тех, кто не успел бежать десятками тысяч отправляли в Турцию на рынки рабов. Взамен в придунайской Валахии были расселены новые колонисты, скорее всего, албанцы. Завоеванное албанское население соглашалось принять ислам и потому часто использовалось для колонизации захваченных турками областей. Таким образом попали албанцы и в Косово, и в Македонию, где до сих пор тлеет огонь непотушенных конфликтов.

Из турок в сельских населенных пунктах было обычно по два человека деревенского начальства - мулла и староста. И если всех жителей либо рубили на куски на том месте, где застали, либо сжигали заживо прямо в домах, то мулле и старосту Цепеш обязательно разыскивал и сажал на колья в центре селения. Так же точно поступал он с комендантами и другими начальниками в крепостях.

По современным воззрениям, расправа над - круглым счетом -десятью тысячами мирных жителей, пусть они и были орудиями захватнической политики турок, считалась бы военным преступлением. В те времена нравы были иными, международные правовые нормы также. Учитывая, что действия Цепеша были ответом на очень похожие действия самих османов, строго осудить его было нельзя. Но все-таки Влад сумел выделиться в ряду бесчисленных вояк своей эпохи - скоростью, эффективностью, а главное, какой-то дьявольской, тщательностью расправы и стремлением не столько грабить, сколько убивать, - и это произвело впечатление как на турок, так и на всех прочих.

У спешность действий Влада объяснялась еще и тем, что султан вместе с главными силами имперской армии был отвлечен на другие «деяния», - кажется, пытался завоевать Грецию. Но оставлять Дракулу безнаказанным было нельзя. Султан отдал повеление своему великому визирю, Махмуду-паше, исправить сложившееся в Южной Валахии положение и покарать смутьяна.

Весной 1462 года Махмуд-паша во главе армии из тридцати тысяч человек отправился в карательную экспедицию. Прибыв на место он восстановил гарнизоны в брошенных зимою обезумевшими от страха турками крепостях, оставил примерно двенадцать тысяч солдат охранять

местность и восстанавливать укрепления, а с другой частью армии перешел Дунай и начал грабительский набег.

Такой набег, если только не встретить врага возле переправы, Обновить невозможно: быстрые конники рассыпаются во все стороны, грабя сразу много мест. Зато при возвращении из набега с ними справиться легче. Ведь, в отличие от Цепеша, они стремились извлечь максимальную выгоду из нападения на валашские селения и везли с собою большую добычу и захваченных в рабство людей.

В этот момент Цепеш и ударил по врагу, отобрал всю добычу, освободил пленников, перебил примерно десять тысяч воинов Махмуда, а остальных обратил в бегство. Все это Влад проделал, не пока что всеобщей мобилизации, силами лишь своей гвардии.

После этого Цепеш, пользуясь тем, что про случившееся с Юнус-беем и Хамза-пашой толком ничего не было известно и формальных обвинений по поводу их пропажи предъявить ему было вроде бы и нельзя. Послал султану ставшее уже традиционным письмо, в котором сообщал, что он, покорный раб султана, позволил себе наказать другого султанского раба, Махмуда-пашу, который... и так далее. Некоторые современные историки так и считают, будто Махмуд-паша превысил свои полномочия, а султан не поручал ему грабить валашские села.

Само собою, это уже было открытым издевательством, вполне соизмеримым с забиванием гвоздей в головы послам (что, кстати, и могло породить соответствующий анекдот). Представляю себе, как был взбешен султан! Но ещё больше он был обеспокоен - ведь случившееся ставило под угрозу все результаты последних завоеваний империи. Султану пришлось оставить в покое Грецию и самолично отправляться усмирять строптивого господаря.

Летом 1462 года двухсотпятидесятитысячная армия под руководством султана отправилась на Валахию. Ее сопровождал новый претендент, призванный заменить Влада - его сводный брат Раду, прозванный «чел Фрумос» (Красивый), до тех пор остававшийся в заложниках у султана. Большинство господарей, побывавших в турецком плену и получавших поддержку турок в своих претензиях на трон, затем быстро превращались в злейших врагов Османской империи. Примером может служить тот же Цепеш или молдавский господарь Дмитрий Кантемир. Однако Раду пришлось по вкусу турецкие порядки (злые языки утверждали, что прозвище Красавчик ему дали гаремные дивы), и он был согласен стать послушной марионеткой султана.

Это уже была крупномасштабная война. Посланники господаря повезли по валашским деревням окровавленную саблю - знак всеобщей мобилизации. Сам Влад принялся лихорадочно искать союзников. Но никто на его призывы не откликнулся. Трансильванские купцы, располагая обширными контактами, уже успели подпортить репутацию Цепеша, и с ним боялись связываться. Исключение составил король Матиаш - он просто не имел права оставить своего вассала (и свежее испеченного родственника) без поддержки, ведь Папа Римский перестал бы ему платить за «борьбу с турками» - и Штефан, который, однако, не мог себе позволить открытого вмешательства так как был связан обязательствами перед Польшей. Согласно одному британскому источнику, Штефан и Цепеш заключили секретный договор о взаимной помощи. Но выполнять его следовало очень осмотрительно, чтобы не поссориться с польским королем и не оказаться между двух огней.

Тяжело давался громадной турецкой армии марш к месту военных действий по опустошенной Южной Валахии. На ее пути встречались лишь сожженные села, груды черепов и отравленные колодцы. Всю провизию и даже воду приходилось везти с собой. Посылаемые на поиски воды и провизии отряды легкой кавалерии не возвращались. Турки рассчитывали что после того, как они дойдут до Дуная и переправятся через него, они смогут кормиться за счет грабежа валашских крестьян. Но на северном берегу их ждала та же картина.

Тактика выжженной земли! Это совсем не то, что устроил Влад на южном берегу. Это - оборонительная тактика малых народов, когда жители сами добровольно сжигают свои дома и имущество

перед приближением захватчика. Скот и все, что можно унести или увезти, переправляют в потаенные места, то, что унести нельзя - дома, хлеб на корню - предается огню, в темных чащах на горных кручах за непроходимыми болотами прячутся все, кто неспособен, воевать, а мужчины, от 12 лет и старше, оставляя их, присоединяются к войску. У султана был запасной вариант - поставлять провизию по Дунаю. Вариант дорогостоящий, к тому же при входе в Дунай стояла могучая крепость Килия. Формально она принадлежала Молдове, но один из предшественников Штефана уступил ее Яношу Хуньяди, поскольку сам не был способен защитить ее от турок. Так что в крепости был размещен венгерский гарнизон, на ее воротах и даже на пушках красовался герб семейства Корвинов-гХуньяди, а все доходы от таможенных сборов текли в казну короля Матиаша

Лишь немногие из турецких судов смогли прорваться сквозь обстрел мощных крепостных орудий. Османскому флоту пришлось остановиться и вместо доставки припасов султану воевать с крепостью. Тучи дыма от горящих хлебов, жажда, голод и нехватка фуража не способствовали поднятию боевого духа турецкого войска, не говоря уже о постоянном страхе перед Целешем.

Влад разместил большую часть своей армии, насчитывавшей примерно 32 тысячи человек, в лесах на стратегическом направлении, готовя врагу ловушку. Сам же отобрал семь тысяч самых лихих всадников и разделил их на небольшие отряды, не дававшие покоя османам. Тем приходилось опасаться любого холмика, лесочка или поворота дороги, а на ночь устраиваться не иначе, как окружив себя кольцом из окопов, выстроенных в ряд повозок и других укреплений. На все это уходили силы и время, движение замедлялось.

Наступала ночь, рядом с турецким лагерем раздавался волчий вой. Турки не могли определить - настоящие это волки (это было бы не так страшно) или бойцы Цепеша, подающие таким образом условные знаки. Влад всюду использовал старинные легенды об оборотнях и злодеях, продавших душу шайтану. Он возродил существовавшую еще у даков манеру отождествлять своих воинов в глазах противника с дикими зверями и тем самым наводить на них ужас.

Кроме психологического эти операции наносили врагу и прямой урон. Особенно знаменитая ночная атака, произведенная Дракулой 17 июня 1462 года, когда военный лагерь султана был устроен уже на пути к столице Валахии Тырговиште.

НЕ ТОЛЬКО ОСМАНЫ СПОСОБНЫ НА «ДЕЯНИЯ»

Цель действий Цепеша была ясна - задержать продвижение неприятеля, насколько это будет возможно. Но помощь со стороны короля Матиаша запаздывала: большая венгерская армия дошла до границы Валахии и остановилась, выжидая развития событий: Ограничиваться мелкими нападениями на турецкое войско Влад уже не мог себе позволить, и он предпринял отчаянную акцию - ночью! Со своими семью тысячами всадников прорвался через укрепления лагеря, добираясь до самого султана. Его бойцы двигались плотными рядами и, оставаясь практически невредимыми, крушили не успевших опомниться турок. Одеты они были в турецкие одежды и подавали сигналы, сбивавшие врага с толку. Началась паника, турки стали бить друг друга.

Султан остался цел. Некоторые историки объясняют это тем, что Влад ждал подмоги - наготове был еще один отряд из его армии, - но не дождался: руководивший отрядом боярин предпочел предательство. Легенды же приписывают неудачу замысла Дракулы ошибке - будто бы вместо султана был убит один из его вельмож.

Хотя главная цель нападения не была достигнута, удар по врагу был нанесен серьезный. Отряд Влада организованно отступил к границе лагеря и не понес почти никаких потерь, скрылся в ноя-ной темноте. Согласно хронике «Деяния османов», отправившийся наутро в погоню турецким всадникам все-таки удалось захватить в плен около тысячи бойцов Влада. Сам он во время ночной атаки был легко ранен в голову, что несколько не охладило его боевой дух. Потери турок оценили в 30 (и даже 35) тысяч

войной. Учитывая размер султанского войска и панику в его рядах, масштаб ущерба и должен был быть примерно таким. Вот еще откуда могла взяться знаменитая цифра, хотя на этот раз речь шла о чисто военной операции.

По-видимому, начиная с этого момента султан отказался от намерения двигаться на Тырговиште, знай, что город хорошо укреплен и что его измотанному голодом, жарой, страхом и эпидемиями войску он не по зубам. Его маршрут отклонился на восток. И тут, еще неподалеку от валашской столицы, его ждал новый сюрприз.

Издали турки приняли увиденное за прекрасный сад с стройными рядами деревьев. Затем почувствовали запах. Совсем не запах цветов, плодов и листвы, а тошнотворный запах смерти. На пути следования колонны стоял лес кольяев. Впереди, на особо высоких позолоченных кольях, красовались Хамза-паша и Юнус-бей, их можно было опознать по их роскошным одеяниям. За ними в боевом порядке была выстроена вся их исчезнувшая еще зимою армия.

Посмотрел султан на разворачивающуюся перед его взором картину, посмотрел, произнес какую-то пышную фразу вроде «невозможно отобрать страну у мужа, способного на такие деяния», - и дал команду на отступление.

Разумеется, решение султана, бывшего отнюдь не слаонервным хлюпиком, было принято вовсе не под влиянием момента. Он видимо, уже давно искал повода повернуть назад. Наверняка также еще до произнесения торжественной фразы султану доложили, какое ужасное действие оказало увиденное на и без того подорванный боевой дух его войска. Кроме того, султан уже успел изучить повадки Дракулы, любовь того к неожиданным появлениям и исчезновениям, и догадывался, что на этом сюрпризы не кончатся.

Можно было без труда вычислить, что основная часть валашской армии, до сих пор вступившая в соприкосновение с турками лишь один раз, задержав и затруднив, насколько это было возможно, переправу через Дунай, а затем исчезнувшая «как сквозь землю провалившись», должна вот-вот «как из-под земли» появиться перед его измученными войсками. Султан был не дурак и понимал, что где-то поблизости приготовлена ловушка для его огромной, но неповоротливой армады.

Надо было учитывать и присутствие на западном фланге большой венгерской армии. Та не спешила вступить в дело, но своим наличием угрожала судьбе всего османского войска. А на востоке тем временем турецкий флот отступил от Килии, поскольку там появилась армия Штефана чел Маре. Она была не так велика, как венгерская, но за ней была поддержка не менее могучей, чем Венгрия, Польши. Только тронь Штефана - и в дело вступит Польское королевство, тогда и Матиаш не захочет остаться в стороне, а уж если эти две европейские державы забудут о своих спорах и объединятся против султана, то крах может ожидать саму Османскую империю.

Отпугнув от Килии турецкие корабли, Штефан осадил крепость, намереваясь взять ее под свой контроль, Штурм кончился неудачей, сам Штефан был ранен в ногу (это одна из первых его боевых ран). А когда на помощь гарнизону крепости прибыл отряд, посланный Цепешем, Штефан увел свою армию, отказавшись от захвата Килии.

Этот исторический эпизод, в котором Штефан и Дракула участвовали как противники (иногда даже утверждают, что Цепеш сам руководил отрядом и лично нанес Штефану рану - но это легенды), смущает румынских историков, поэтому они излагают его очень разноречиво и неполно, особенно это касается мотивов действующих лиц.

Один вариант я изложил в очерках о Штефане. Согласно ему, Штефан появился у Килии именно с целью ее захватить, так как считал крепость своей. Турков он отпугнул от крепости просто случайно, а затем решил, что его планы захватить Килию вредят боевым операциям Целеша (что тот недвусмысленно показал, послав отряд на подмогу гарнизону), и их надо отменить, чтобы не играть на руку Турции.

Другие считают, что Штефан прибыл на место действия с целью помочь Цепешу, выполняя секретный договор с ним. Потом, - так сказать, заодно, - решил и крепость себе вернуть. Не сумел этого сделать, а затем, обнаружив, что его действия превратили его из сонника Влада в соперника, отступил.

Я полагаю, что мотивы действий Штефана были сложными и включали в себя множество соображений. Он на самом деле всегда стремился вернуть Молдове Килию и через несколько лет действительно это сделал. Но в тот момент для него более важно было оправдать свою военную экспедицию перед польским королем и получить законные основания для вступления в войну с Турцией.

Это была рискованная затея, так как если бы он Килию отобрал, но затем не смог бы ее защитить от Турции, он навредил бы и себе, и Впаду, и всему делу антитурецкой борьбы. Ясно, что, обнаружив, что ему приходится воевать еще и с Цепешем, который к тому же был сильнее, Штефан быстренько свернул операцию.

По крайней мере, и Турция, и Венгрия посчитали действия Штефана враждебными, и каждая из стран (слава богу, что не одновременно) попробовала наказать молдавского господаря. Султан отказался от уже подготовленного нападения на Молдову, узнав, насколько хорошо Штефан приготовился к отпору, а армия короля Матиаша была разбита возле Байи, сам Матиаш получил там три тяжелые раны.

«Вразумив» Штефана, Влад буквально на следующий же день дал еще одно сражение уходящей армии султана, опять только силами своего кавалерийского корпуса. Был разбит авангард турецкой колонны, но при встрече с основными силами турок валахам пришлось отступить. В «Деяниях османов» это сражение представлено, как победа турок, реванш за предыдущие поражения. Однако когда выясняется, сколько бойцов участвовало с каждой стороны и каковы были понесенные потери, становится понятно, что приписать победу туркам нельзя.

Впрочем, это уже было неважно: истрепанная, потерявшая не менее половины своей численности турецкая армия уже покидала Валахию, прибыв в Адрианополь в жалком состоянии. Чтобы избежать позора, султан въехал в город ночью. Как он ни притворялся, объявив о празднествах по случаю «успешного окончания войны», всем было ясно, что его побили.'

Дракула добился великолепной победы, особенно учитывая, на сколько малые силы при этом он использовал. Но... именно с этого момента политическое, а в результате и военное счастье стало ему изменять.

Уходя, султан оставил за Дунаем, в приморской Валахии, Раду Красивого, снабдив его своей легкой кавалерией, тот начал довольно успешно оттеснять Влада к северу и развернул активную протурецкую пропаганду во всей стране, и прежде всего в армии самого Цепеша, в которой было сосредоточено все дееспособное население Валахии. Влад ничего не мог поделать. Прежде всего потому, что большинство бояр перешло на сторону Раду: их преданность держалась лишь на страхе перед Цепешем, теперь сменившимся страхом перед султаном.

Дело в том, что тактика «выжженной земли», так умело примененная Дракулой во время войны с османами, дает результаты лишь в случае абсолютной преданности всего населения делу, за которое воюет господарь. Пока речь шла об угрозе полного захвата Валахии Турцией и превращения ее в пашалык, все были более-менее на стороне Цепеша. Но когда перед боярами замаячила возможность сделать Валахию вассалом Османской империи под руководством Раду, ситуация изменилась. Более того, еще когда армия султана не ушла из Валахии, один из бояр пошел на предательство, выдав Раду, а значит, и султану/место, где прятались семьи большинства бояр. Боярские дети и жены попали в руки султана и стали заложниками.

Влад стал терпеть поражения и отступать, а король Матиаш все медлил, не торопясь прийти ему на помощь, хотя армию держал на-готове, Владу пришлось отступить в Трансильванию, там он договорился встретиться с Матиашем для переговоров о помощи.

По дороге в узком ущелье, неудобном для обороны, сопровождавшая Влада армия была разбита, а сам Цепеш захвачен и помещен в темницу.

В КОГТЯХ ХИЩНОЙ ПТИЦЫ

Как злорадно писал один турецкий летописец, «Казыклы (т.е. Цепеш), спасаясь от когтей льва, предпочел попасть в когти хищной птицы».

Подо львом подразумевался султан Османской империи Мухаммед (Мехмед) Второй. И я подозреваю, что фраза в турецком оригинале летописи была куда более злорадной. Боюсь, что слова «хищной птицы» - смягчение, а там стояло «птицы-падальщика». С намёком на то, что теперь Дракула - политический труп. Под птицей же имелся в виду король Матиаш Хуньяди, родовое имя которого – Корвин - по-латыни значит «ворон». Ворон, известный обыкновением выклевать глаза у павших на поле битвы, был изображен и на гербе Корвинов.

Согласно одной группе сообщений, Влада захватили в плен местные, трансильванские феодалы, формально подчинившиеся королю Венгрии, но часто, хотя бы по видимости, действовавшие независимо. Они продержали Влада в одной из небольших отдаленных крепостей примерно год и лишь затем выдали Матиашу.

Однако наиболее подробное описание происшедшего выглядит иначе. В нем говорится, что Влад встретился с королем, провел с долгие и трудные переговоры, получил обещание мощной военной поддержки в ближайшем будущем, а сразу - отряд чешских наемников под началом знаменитого Яна Жискры. Это были лихие ребята, настоящие бандиты.

Чешская освободительная борьба той эпохи призвала под свои знамена много ловких и смелых парней, для которых суть борьбы была не слишком важна. На гражданской войне они чувствовали себя в своей стихии, и когда она закончилась (неважно - победой, какой из сторон), не стремились вернуться к мирной жизни. В те времена спрос на лихих бойцов был велик, и они становились кондотьерами - наемниками, живущими солдатским жалованьем и воеванной добычей.

Так освободительная борьба швейцарского народа породила репутацию швейцарцев как лучших наемников, которая, девальвирував к нашему времени, осталась в термине «швейцар», которым называют бравого молодца в галунах и лампасах, встречающего вас у входа в ресторан.

Так борьба венгерского народа, который после Матиаша попал-таки в рабство к туркам и австрийцам, а затем долго сражался за свою свободу, породила несколько веков спустя профессию, «венгерцев» - ловких и сильных прислуживающих при карете вельможи.

А в описываемое мною время лучшими наемниками были чехи; из них по большей части и состояла армия Матиаша. У этих людей были свои принципы - они весьма верно служили тем, кто им исправно платил, но нисколько не задумывались над тем, чему или против чего служат.

Влад повел своих бойцов назад, в Мунтению, на место, где, как ожидалось, к нему затем присоединится венгерская армия. И вот тут-то, на обратном пути, Жискра, приданный в помощь Владу, неожиданно получил от Матиаша приказ захватить Дракулу, что им и было исполнено. В качестве местонахождения Влада в первый год плена при этом называют крепость Пешта, то есть Цепеш сразу же попал прямо в руки короля.

Образ действий Матиаша при этом очень сильно напоминает планы Юнус-бея, который год назад также советовал султану принять Дракулу и обласкать его, а захватить в плен лишь на пути назад.

Правда, одна не слишком вероятная подробность, указываемая в источнике, порождает небольшие сомнения в его точности. Там говорится, что переговоры Дракулы с королем длились «долгие

недели», в то время как в реальности от момента прибытия Матиаша в Брашов, вольный купеческий город, в котором вражда к Цепешу была особенно сильна и где происходила (или должна была произойти) встреча, до момента захвата Влада прошло всего шесть дней.

Однако за исключением этой детали именно такое описание событий выглядит наиболее убедительным. Если же иметь в виду время, прошедшее с момента отправки королю Цепешем первого письма о помощи, то оно составило уже больше девяти месяцев.

Европейские правящие круги, от которых зависело финансирование проводимой королем Венгрии, по его уверениям, антитурецкой борьбы, весьма встревоженные расправой над недавним победителем султана, потребовали у Матиаша объяснений. У того наготове было целых три фальшивки, сочиненных купцами трансильванских общин. Приписываемые Владу поддельные письма на имя султана содержали «просьбы о прощении» (за нанесенное поражение) и предложения сотрудничества. Влад якобы предлагал для искупления своей вины отдать султану всю Трансильванию - будто она ему принадлежала - и помочь завоевать Венгрию.

На запросы венецианского сената и папской канцелярии Матиаш тянул время, отделяясь отговорками, а потом был вынужден все-таки выбрать из трех фальшивок одну, выглядевшую, на его взгляд, убедительнее остальных, и послать ее Папе Римскому в качестве оправдания.

Высочка на венгерском престоле, он считал свое положение шатким: другие претенденты, притязания которых на трон были весьма солидно обоснованными, принадлежали к могущественным королевским династиям и не оставляли попыток свергнуть его. В такой ситуации ему совсем не хотелось связываться с турецким султаном; что произошло бы, приди он на помощь Цепешу. Матиаш предпочел сделать вид, что поверил наветам, и свалить неудачу в борьбе с Османской империей, в которую по его собственной вине превратилась победа Дракулы, на самого победителя.

После Пештской крепости, где обращение с ним было, согласно его княжескому рангу, почтительным, но, возможно, суровым, Дракула был переведен в Вышеград - королевский замок в четырех милях от Буды вверх по Дунаю. Большую часть своего плена он провел именно там.

Заточение Дракулы в легендах о нем описывается наиболее красочно. Там фигурируют мрачные подземелья, роман Цепеша с дочерью Матиаша, для доступа которой к любовнику-арестанту был прорыт подземный ход, женитьба на этой дочке и переход Влада в католическую веру...

Все это - самые настоящие сказки. Женою Дракулы в то время была не дочь Матиаша (у которого, кажется, детей вообще не было), а кузина. Бракосочетание состоялось еще до ареста Цепеша. В плену он нормально жил вместе с женой, не используя для этого никаких подземных ходов, и она родила ему двоих сыновей. В католическую веру Влада никто не обращал: отказ от православия сразу бы лишил его фигуру политической ценности как одного из претендентов на валашский трон. А иметь в своем распоряжении лишнего претендента Матиашу было выгодно для оказания давления на других господарей.

Одну из таких сказочек, попавшую не только в устные легенды, но и в письменные источники и до сих пор повторяемую практически всеми пишущими о Дракуле, я просто обязан разоблачить.

ИСТОРИЯ ОДИННАДЦАТАЯ. КРОВОЖАДНОСТЬ ДРАКУЛЫ

Попав в заточение и лишившись своего излюбленного занятия, Дракула утешался тем, что, за неимением человеческих жертв, сажал на кол крыс, мышей и птиц.

Приводя этот эпизод, авторы книг ссылаются на русские источники, а в немецких он не упоминается, так что я долго считал правдивой эту психологически впечатляющую деталь. Пока не прочел описания реальных условий содержания Цепеша под стражей и полного текста Кирилло-Белозерской рукописи, опубликованного в одной из хрестоматий.

Я обнаружил, что русские источники, несмотря на большую мягкость по отношению к Дракуле, чем в немецких памфлетах, вовсе не так уж милосердны к нему. Приводя много оправдывающих Цепеша деталей, они все же сохраняют поучительный тон и хотя бы формально осуждают его жестокости. Влад назван там исчадием дьявола и злодеем. Но рукописи присущ некоторый оттенок восхищения Цепешем, и ее полемичность по отношению к немецким сочинениям состоит не в отрицании фактор злодеяний, а во мнении, что это вещь необходимая, иногда полезная.

Эпизод с птицами и крысами описан кратко, однако содержит бытовые подробности, выдающие полное незнание автором того, как в реальности была обставлена неволя Цепеша. Там сообщается что крыс и мышей он ловил сам, а птиц покупал на базаре, и что деньги на жизнь в тюрьме (и на покупку бедных птичек) он зарабатывал портняжным ремеслом!

На самом же деле ни мрачных застенков, полных крыс, ни необходимости портняжить для пропитания, ни игрушечных казней не было.

Реальность оказывается не менее красочной, но совсем другой. Вышеградский замок, где обитал Влад, заслужил в то время название «второй Альгамбры», «рая земного». Там было все - от сотен роскошных залов до всяких садов, от фонтанов и прудов до библиотеки и площадок для проведения рыцарских турниров. Влад вполне цивилизованно жил с женой и детьми в пятиэтажной «башне Соломона», отводимой для содержания самых знатных пленников. В ней полвека назад жил в заключении сам будущий германский император Сигизмунд Люксембургский. Получив свободу и одержав верх в политической схватке, он поселился в той же самой башне, лишь приказал ее еще больше благоустроить. Теперь эти роскошные императорские покои достались Владу.

Средств, отпускаемых на жизнь драгоценного узника, было более чем достаточно на самые изысканные яства и одежды. Можно было бы еще предположить, что Цепеш развлекался кройкой и шитьем в качестве хобби, однако это противоречит всем другим сведениям о нем. Куда вероятнее, что Влад, искуснейший наездник и заядлый турнирный боец, посвящал свое время излюбленному занятию - тренировкам на турнирном поле.

А сама выдумка насчет казни мышей и птичек оказывается бродячим сюжетом, приписывавшимся многим из деятелей той эпохи, кому-то с большим основанием, кому-то, как и Цепешу, безо всяких оснований.

У Дракулы, заключенного в Вышеградском дворце и надежно охраняемого «черным войском» - еще одним из чешских отрядов на еяужбе у короля Матиаша - было все. Все, кроме свободы.

НА СВОБОДУ С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ

Пока Дракула томился в «земном раю», кампания по его дискредитации вышла на новый виток. Первыми распространением нелестных выдумок про Влад занимались его соперники в борьбе за трон, затем эстафету переняли трансильванские купцы. Можно проследить, как тексты писем Дана Младшего, одного из претендентов на валашский престол, с которым Влад успел-таки расправиться, обрастая дополнительными выдумками, превращались в сочиняемые купцами-колонистами байки.

Теперь к делу подключился король Венгрии Матиаш. Ни Папа Римский, ни венецианский сенат, ни польский король вовсе не успокоились, получив утверждения Матиаша о сотрудничестве Цепеша с турками. Даже имея в распоряжении доказательство - переданное венгерским королем письмо, - они сомневались в его подлинности и требовали дополнительных подтверждений. Матиаш не мог представить им каких-то новых реальных улик, поэтому он активно включился в процесс распространения злобных сказок про Дракулу. По свидетельству послов, аккредитованных при венгерском дворе, в том числе папского легата, Матиаш в то время очень любил рассказывать иностранцам анекдоты про Цепеша.

Поскольку Цепеш сам в свое время достаточно потрудился, чтобы составить себе устрашающую репутацию, да и впоследствии позволял себе эффектные жесты, работающие на образ грозного и неукротимого злодея, это было не слишком трудно. Одновременно Матиаш потихоньку стал ослаблять режим содержания Влада под стражей. Такое поведение короля явно доказывает, что сам он никогда не верил в наговоры, поскольку расправа с настоящим предателем была бы очень скорой и решительной.

Трудно оценить, как именно долго Влада продержали в Вышеградском замке: согласно разным источникам, от четырех до двенадцати лет. Потом Матиаш выпустил его, поселив под домашним арестом в отдельном доме в Пеште. Затем ограничения свободы были еще более ослаблены. Влад был допущен к королевскому двору, ему разрешили видеться с иностранцами. Впрочем, во время таких встреч Влад помалкивал, вовсе не торопясь заняться оправданиями. Неволю он переносил со стоическим фатализмом, выработанным еще во времена, когда он был заложником султана. Все эти послабления проходили постепенно, а общий срок, в течение которого Цепеш был лишен свободы и исключен из антируецкой борьбы, примерно равен тринадцати или четырнадцати годам.

К периоду, когда Дракула находился под домашним арестом в Пеште, но еще не был допущен ко двору, относится следующий рассказ. Он извлечен из той же Кирилло-Белозерской рукописи, но, в отличие от байки про бедных птичек, выглядит куда правдоподобней и не содержит сказочных элементов. Все бытовые подробности в нем исторически достоверны.

ИСТОРИЯ ДВЕНАДЦАТАЯ. НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ПРИСТАВ

Пристав (название должности славянское, поскольку рассказ изложен в русской рукописи), с командой подчиненных преследовавший злоумышленника, обнаружил того спрятавшимся на дворе Дракулы. Но только он успел схватить злодея, из дома выскочил Цепеш с саблей в руках и отрубил голову приставу. Преступник сбежал, а спутники погибшего ретировались и доложили о случившемся начальству.

Начальник подал жалобу короле. Матиаш послал кого-то к Дракуле с вопросом: зачем тот учинил это преступление? Последовал ответ Цепеша: никакого преступления он не совершал. Пристав, по его мнению, не имел права входить на его двор без спросу. Следовало обратиться к самому Дракуле, который и решил бы, что делать с преступником - выдавать венгерским властям или миловать. Всякого, вошедшего без разрешения во владения Дракулы, ждет та же участь.

Король, услышав ответ Влада, долго смеялся и оставил дело без последствий. Как видно, Цепеш настаивал на признании своих прав царствующей особы и экстерриториальности своего жилища. Для Матиаша в данном случае было важнее соблюдение феодальных привилегий, сословная солидарность, а не судьба конкретного уголовного дела и должностного лица. Все это вполне согласуется с тогдашними юридическими нормами и с другими известными фактами о том, каково было отношение к Владу. Очевидно, его не переставали признавать если не государем, то претендентом на валашский трон. Обратите внимание - Влад свободно владел оружием и пользовался им - правда, лишь на собственной территории.

К чуть более позднему периоду относится описание внешности Влада, сделанное одним из послов, лично видевшим Дракулу при королевском дворе. Согласно ему, Цепеш был невысок ростом, но весьма крепко сложен и строен. Черты его были цветущими и грубыми; кожа лица нежная и слегка красноватая, у него был большой орлиный нос, раздувающиеся ноздри, очень длинные ресницы, зеленые широко раскрытые глаза, пышные, черные, грозно наспуленные брови, большие усы. Черные, волнистые кудри зрительно увеличивали объем головы, посаженной на бычью шею, и падали на широченные плечи.

Описание соответствует известному портрету Дракулы (к сожалению, не прижизненному, а лишь поздней копии), о котором я расскажу позже. Ничто в облике Цепеша не согласуется с представлениями о портновских трудах, но хорошо соответствует предположению о военных упражнениях.

За время, пока Влад был лишен свободы, ситуация в борьбе с Османской империей изменилась. Турция усилила свой напор на европейские страны, начав угрожать уже самой Венгрии. Папа Римский возобновил призывы к походу на турок, подкрепляя их обещаниями денежных сумм. Штефан Великий, укрепив свое положение и авторитет, успел зарекомендовать Молдову как главную силу, противостоящую в то время султану. У Матиаша снова появилась возможность бороться с Турцией чужими руками.

Сразу же после победы Штефана 10 января 1475 года при Васлуе Влад по настоянию молдавского господаря был освобожден и включился в антитурецкую борьбу. Матиаш, не пришедший на помощь Штефану во время Васлуйского сражения; решил предпринять какую-нибудь кампанию против турок, пока те не успели опомниться от удара, нанесенного Штефаном.

Предприятие оказалось успешным - была взята крепость Шабац в Сербии. Матиаш присутствовал в войсках, однако реальное командование осадой было поручено Дракуле. Затем, уже без Матиаша, но при участии Стефана Батория, Цепеш продолжил бои в Сербии. Одна из крепостей - Сребреница - была захвачена при помощи любимого приема Влада: он переоделся вместе с полтора сотнями бойцов в турецкую одежду и обманным путем проник в крепость, поддержав затем штурмовавших изнутри.

Цепеш продолжал воевать на сербском фронте до весны 1476 года. Все больше голосов стали раздаваться в поддержку настояний Штефана поддержать Влада в борьбе за престол Валахии. Главным доводом было то, что Цепеш наводит ужас на турок и потому будет чрезвычайно полезен в борьбе с ними.

Матиаш вел двойственную политику, признав права на трон как Цепеша, так и его противника, фактического господаря Лайоты Басараба. Когда же летом 1476 года начался возглавляемый самим султаном новый поход против Молдовы, венгерский король повел себя так же, как в свое время с Цепешем: он отправил армию под командованием Дракулы и Стефана Батория на границу страны, но не торопился разрешать им оказать прямую помощь Молдове.

Для того, чтобы Цепеш не вздумал самовольничать, ему было дано гюручение: усилить лесные пограничные укрепления Венгрии. Каждому бойцу в его армии было предписано иметь с собою кроме обычного вооружения еще и по топору для выполнения оборонительных работ. Влад мог понимать бесполезность и даже вредность приказа, но не мог его послушаться. Штефан, не дождавшись венгерской помощи, потерпел поражение у Рэзбоень, затем выправил положение, одержав в конечном счете победу над турками. В этом, кстати говоря, ему весьма помог тот факт, что Цепеш в свое время (правда, очень жестоким способом) ликвидировал турецкую колонизацию Южной Валахии.

Матиаш, увидев, что соотношение сил поменялось, отменил запрет на участие Влада в войне с султаном. По сообщению одной австрийской хроники, Влад все-таки пришел на помощь Штефану, уничтожив шесть корпусов турецких войск. Но в самый ответственный момент он не помог своему другу. Повторилась - в зеркальном отражении - ситуация 1462 года, когда, связанный обязательствами перед Польшей, Штефан не мог просто так поддержать Влада, а его маневры, призванные оправдать вмешательство (осада Килии) даже сделали их на время противниками.

26 ноября 1476 года Влад Цепеш при поддержке Штефана Великого и венгерских отрядов под началом Стефана Батория одержал победу над Лайотой Басарабом и был снова - уже в третий раз провозглашен господарем Валахии. Однако большая часть страны ему еще не подчинялась, и война с турецкими отрядами, поддерживаемыми Лайоту, продолжалась. Штефан не мог долго оставаться в Мунтении, так как положение в Молдове также было сложным. Влад получил от Штефана отряд для личной охраны из двухсот лучших бойцов Штефана и продолжил боевые действия самостоятельно.

Король Матиаш также отозвал Батория, хотя - это было отмечено еще современниками событий - такой настоятельной необходимости в спешке, как у Штефана, у него вовсе не было.

Примерно чуть больше месяца Цепеш успешно бил турок, постепенно оттесняя их все дальше на юг. Однако в самом конце 1476 года или в первых днях следующего Влада погиб в бою. Обстоятельства

гибели излагаются весьма разноречиво, все источники сходятся лишь в одном: положение дел складывалось в пользу бойцов Цепеша, и именно смерть командира, которую приписывали кто роковой случайности, кто - боярскому заговору, кто - проискам султана, привела к поражению и почти полному уничтожению четырехтысячной валашской армии.

День гибели Влада известен неточно. Сохранилось одно письмо за его подписью, датированное вторым января 1477 года. Но в господарских канцеляриях существовало обыкновение готовить и подписывать письма чуть раньше проставленной на них официальной даты (вероятно, соответствовавшей моменту отправки). Известно, Например, письма отца Штефана, Богдана, датированное двумя днями позже его смерти.

Телохранители, оставленные Штефаном, во время боя не занимались охраной Влада, а выполняли какую-то боевую задачу. Из них выжило десять человек, они и сообщили затем Штефану о смерти его друга.

СМЕРТЬ И ПОСМЕРТНАЯ СУДЬБА ДРАКУЛЫ

Сообщения о том, как именно погиб Цепеш, противоречивы. Согласно одному из них, у Влада был слуга-турок - агент, внедренный султаном, который пользовался полным доверием господаря и всюду его сопровождал. Он-то и убил Цепеша, подобравшись к нему со спины и отрубив голову, которую отвез повелителю правоверных.

Эта версия маловероятна. Цепеш был слишком осторожен и подозрителен, чтобы довериться турку, а единственная причина, по которой он мог бы иметь с ним дело - получение каких-то сведений о противнике. В таком случае вряд ли «языку» было бы позволено находиться вооруженным без присмотра возле командующего.

О том, что голова Влада была отвезена в Турцию, сообщается по меньшей мере в трех европейских источниках. Один из них - хроника Антонио Бонфини, итальянского историка и летописца при дворе Матиаша Хуньяди, видимо, является основой для других сообщений. В турецких источниках об этом ничего не говорится.

Очень подробно описана гибель Влада в Кирилло-Белозерской рукописи. По этой версии Влад отделился от своих войск и в одиночку поднялся на холм, «чтобы насладиться зрелищем своих бойцов, | успешно рубящих турок». (Ну уж; у военачальника есть более серьезные причины взглянуть на поле боя с возвышенного места). Тут на него наткнулся отряд валашских бойцов, которые приняли его за турка, ведь он, как обычно, был во время боя одет по-турецки.

Уже пронзенный пикой, он сумел зарубить пятерых из нападавших, но их было гораздо больше, и Влад был заколот «многими копьями». Про отделение головы в дар султану в этой версии ничего не говорится.

Мотивы действующих лиц в этой истории изложены так, будто их излагают сами участники событий, что совершенно невероятно. Общая картина могла бы и соответствовать такому описанию, но ее можно было восстановить лишь по оставшимся на месте происшествия телам и следам борьбы. Так что ее можно признать вероятной, за исключением утверждения, что Цепеш был убит по ошибке. Влад постоянно переодевался в турецкие одежды и часто переодевал своих бойцов. Всем его воинам это было прекрасно известно, а армия была достаточно малочисленной для того, чтобы каждый из солдат хорошо знал своего командира и узнавал его даже со спины.

Так что пора вспомнить про другие версии, не описывающие самих событий настолько подробно, но утверждающие, что нападение на Влада во время сражения было намеренным. У него было множество врагов среди валашских бояр, заговоры против него в их среде были частыми, а подобраться к Владу можно было лишь во время боя, когда он не слишком заботился о своей безопасности. В мирное время он был постоянно окружен большим количеством верных телохранителей.

Если соединить описание гибели Влада с мотивом боярского заговора из других сообщений, то получается, пожалуй, самая правдоподобная версия происшедшего.

Влад оставил после себя двоих или троих сыновей. Каждый из них претендовал на престол Валахии, а один - Михай - под именем Михня чел Рэу, то есть «Злодей» или «Злобный» даже недолго продержался на троне через много лет после гибели отца. Историческое прозвище «злодей» он получил не за злой нрав или какие-то особые злодеяния. Наоборот, он, видимо, был слишком мягок для политика. Попав на престол после долголетнего турецкого плена, он сразу же начал проводить антитурецкую политику и быстро потерпел поражение. Такие неудачники обычно и получают имена вроде «злобный» или «окаянный», в то время как их более удачливые благодаря реальной злобности соперники входят в историю как «великолепные» или «мудрые». Отчасти - но лишь отчасти - эта теория верна и в случае самого Цепеша.

Оставшиеся после Михни наследники, объединившиеся с другими потомками рода, образовали крупное и сильное семейство Дракулешти, обосновавшееся в местечке Питешть. Они уже не претендовали и тендовали на княжеский ранг, но в местном масштабе были влиятельны. Кое-кто из современных румын с полным основанием ведет свой род от легендарного господаря, хотя его фамилию не сохранил никто. Недавно я читал интервью с одной очень известной румынской актрисой, которая гордится своей родословной, восходящей к Цепешу.

После гибели Влада Валахия на долгое время подпала под турецкое влияние. Отпор султану со стороны европейских сил оказался unsuccessful, но теперь можно было взвалить вину за это на погибшего. И распространение небылиц про Дракулу возобновилось с новой силой. Раньше все ограничивалось устными рассказами и письменными документами, существующими в одном экземпляре. Теперь в ход было пущено не так давно вошедшее в моду тиражирование книг. Сперва копии книг делались вручную, но до изобретения Гуттенберга оставалось всего десяток-другой лет. Король Матиаш одним из первых внедрил в своем королевстве книгопечатание. Имели доступ к печатному станку и купцы в Германии, тесно связанные со своими трансильванскими братьями.

Страшные сказки про Дракулу оказались популярным товаром, одними из первых бестселлеров, поэтому их тиражи все росли.

Затем на пару веков о Дракуле позабыли. Память о нем, однако, хранилась в преданиях румынских крестьян. Они относились к Цепешу с уважением и восхищением, но в те времена простой народ был нечувствителен к жестокостям. Суровый нрав Дракулы казался рассказчикам достоинством, поэтому в устных легендах о Владе ужасы громоздились на ужасы, окончательно искажая его облик.

В девятнадцатом веке старинные книги и легенды о Дракуле были заново открыты писателями-романтиками и учеными. Легенды были записаны, а истории из книг отразились в творчестве многих поэтов и писателей той эпохи.

Еще около полувека полузабвения, а затем... Затем ирландскому писателю Брэму Стокеру понадобилось имя для главного героя его нового романа о вампирах» действие которого происходило в Трансильвании. Знакомый будапештский Профессор, ставший в на граду за содействие в написании книги прототипом борца с вампирами в романе Стокера, подсказал автору имя Дракулы, репутация которого вроде соответствовала колориту романа.

Роман вышел в 1897 году и стал бестселлером. Затем образ вампира графа Дракулы был воспринят кинематографом и благодаря своей эффектности стал чрезвычайно популярен. Количество фильмов о Дракуле исчисляется сотнями, и все время появляются новые. Естественно, кинообраз бесконечно далек от реального облика исторического Цепеша.

Далек от реального облика Дракулы и герой Стокера. Кроме имени и приблизительного места действия, ничего реального в романе не осталось. Никакие легенды никогда не связывали Дракулу с вампиризмом, хотя - напомним - с его именем ассоциировались мифы об оборотнях, в девятнадцатом веке

объединившиеся с мифами о вампирах. Дракула назван в романе графом, хотя даже еще не будучи господарем, то есть князем, он имел право на титул герцога. Местом его жительства в романе названа северная Трансильвания, в реальности Влад был связан в основном с южными районами этой страны, а господствовал в Валахии.

С пятидесятих годов двадцатого века начался новый этап в эпопее Влада - попытки на научной основе восстановить его репутацию. Я стараюсь вписаться в этот же жанр. К сожалению, дело это трудное, так как для этого вовсе недостаточно цитат из документов, с ними надо знакомиться полностью, что не всегда доступно. Например, до тех пор, пока я имел дело лишь с краткими выдержками из Кирилло-Белозерской рукописи, я не имел возможности критически их оценить и верил им всем. Хорошо, что рукопись полностью напечатали в современной хрестоматии. А со многими другими источниками я знаком лишь по цитатам в исторических монографиях.

Серьезнее всего Дракулой занимались румынские ученые. Но, к сожалению, они придают слишком много веры народным легендам, многие из которых запечатлены в их сознании с раннего детства и не встречают критики с их стороны. Поэтому для румынских ученых типично преувеличение злодейств Дракулы при попытках оправдать их необходимость.

В Румынии сейчас популярны туристские маршруты по местам, связанным с Дракулой. При этом на выбор предоставляются три типа маршрутов: «Исторический Дракула», «По следам вампиров» и «по следам Брэма Стокера». Самые объективные, разумеется, связаны с «историческим Дракулой». Однако в легендах, рассказываемых на месте событий (с ними можно познакомиться через Интернет), много передержек и несуразиц.

Например, на развалинах Поенарского замка, где сохранилась её целостности «башня Киндии», вам расскажут не только далекую от истины историю про то, как этот замок строили бояре, отправленные с пасхального пира на каторгу (см. историю десятую в четвертом очерке). Но и как жена Влада бросилась из этой башни в реку, чтобы не попасть в руки турок, а сам Цепеш поспешно сбежал от врага на встречу с королем Матиашем.

В действительности же во время встречи Влад был женат на кузине Матиаша, которая находилась в полной безопасности при дворе короля. Она никуда не бросалась и уже в плену рожала Владу сыновей. Если верить рассказу о детях Влада из Кирилло-Белозерской рукописи (он не согласуется с другими источниками, но выглядит весь ма убедительно, так как сопровождается сообщениями о судьбе его сыновей на момент написания текста), то Михня был самым старшим и незаконнорожденным сыном. Это значит, что у Влада была гражданская жена. Эту бывшую и невенчанную жену Влад, естественно, не мог отправить в Венгрию. Самым надежным убежищем для нее был именно Поенарский замок, осажденный турками не в присутствии постыдно бежавшего Цепеша, а уже после того, как Влад был взят под стражу Матиашем и не мог вернуться на помощь его защитникам.

Небылицы рассказывают и о могиле Влада. Вам расскажут, будто его могила пуста, будто ее засыпают камнями местные жители, боящиеся его как вампира, поскольку он похоронен в ней живым (а у кого же тогда отрезали голову в дар султану?).

Моица Цепеша была найдена и исследована археологом Дину Россетти в 1932 году. Что именно нашлось в могиле и как это соответствует рассказываемым легендам, будет рассказано в последнем, двенадцатом очерке из серии, посвященной Владу Дракуле.

ХУДОЖНИК УСТРАШЕНИЯ

Я подозреваю, что где-то в Румынии на самом деле существуют заваленные камнями «туристские объекты», демонстрируемые любопытным в качестве могилы Дракулы. В таком случае это просто аттракционы, не имеющие ничего общего с исторической реальностью.

Настоящая могила Цепеша находится в Снаговском монастыре, под полом церкви. Цепеш был ктиторм (по современной терминологии - генеральным спонсором) монастыря и по всем правилам должен был быть похоронен именно там. Все же у Дину Россетти, проводившего раскопки, встретились определенные трудности при поиске могилы.,

По рассказам монахов в Снагове, Цепеш был похоронен под полом церкви у царских врат, чтобы священник, выносящий святые дары, каждый раз попирал ногами нечестивца. Объяснение явно изобретено, чтобы оправдаться: на самом деле такое положение могилы было почетным и вполне приличествовало господарю, к тому же вложившему в монастырь значительные средства.

В начале девятнадцатого века в этих местах епархиями руководили подряд несколько слишком ретивых и не очень (а может, чересчур) грамотных епископов, считавших Дракулу исчадием ада. При них были уничтожены несколько настенных изображений Влада в разных румынских монастырях и храмах. В 1815 году могила в Снагове была осквернена: надпись с надгробия была сбита. После того монастырь несколько раз попадал в зону военных действий и разрушался, так что могильные плиты могли быть перепутаны, и никак нельзя было утверждать, что под плитой, находящейся возле царских врат и носящей следы сбитой надгробной надписи, окажется именно могила Цепеша, но начинать поиск следовало с этого места.

Раскопки показали, что эта могила пуста. Останки Влада были найдены под другой плитой, расположенной напротив почетного места, прямо возле входа. Такое положение было совсем не по рангу Цепешу, но могло быть выбрано из желания скрыть истинное место погребения.

Эти сложности, достаточно обычные при любом археологическом поиске, если не оправдывают, то объясняют появление фантастических рассказов о месте захоронения валашского господаря.

Что же нашел Россетти, раскопав могилу? Тело уже полностью истлело (так что, видимо, просто невозможно было проверить, была ли голова, Влада отделена на месте гибели и отправлена в Турцию). Превратились в прах не только кости, а даже драгоценные камни в оправках. Сохранились золотые, серебряные и фаянсовые украшения, золотое шитье, детали одежды из шелка и бархата также рассыпающиеся при прикосновении. Поверх всего лежал толстый слой ржавой пыли - все, что, видимо, осталось от оружия, положенного в гроб. Остатки перчаток указывали положение рук покойного.

Влада можно было опознать лишь по косвенным признакам: по деталям костюма, согласующимся с эпохой и с его княжеским положением, по соответствию места погребения легендам, по не вызывающему никаких сомнений факту ктиторства Цепеша; по надетому на шею украшению - веночку из фаянсовых и серебряных цветов, украшенных шенных гранатами, впоследствии (Опознанному как приз за победу на турнире, что очень похоже на Дракулу: в молодости он активно участвовал в турнирах проводимых Яношем Хуньяди в Вышеграде, и вроде бы даже ездил на крупный турнир в Нюрнберг, откуда и мог привезти трофей).

Признаков набралось много, так что принадлежность могилы именно Владу Цепешу подтверждена с достаточной научной полнотой, хотя один процент сомнений, возможно, и остается.

Обряжен и одет покойник был очень тщательно, в парадные одежды, со множеством украшений, что опровергает те рассказы, согласно которым Цепеш был изрублен на множество частей, а затем монахи собрали его останки на поле боя и похоронили, как смогли, в той одежде, в которой он сражался. Похоже, что в организации похорон принимало участие близкое к Владу лицо, хорошо знавшее его жизненные интересы и, возможно, пожелания по поводу погребения. Скорее всего, это была женщина. Кстати, под полами одежды был обнаружен шелковый мешочек, очевидно, висевший на шнурке на шее, в который был вложен женский перстень с несохранившимся камнем.

По некоторым сообщениям, после кузины Матиаша (что сделалось с ней, я не знаю) у Влада была еще одна жена, дочь одного из тех двух бояр, которые оставались ему верными. Возможно, она и давала указания, как обрядить Цепеша для погребения. Долгое время ученые не могли найти монет эпохи

Цепеша. Казалось невероятным, чтобы Дракула, так озабоченный экономическими вопросами и придававший такое значение атрибутам независимости, не чеканил денег. Его отец, как известно, чеканил монету даже еще не будучи господарем.

Потом исследователи обратили внимание на серебрянные монеты, до того времени не датированные. На них была изображена комета. Второй приход Цепеша к власти действительно сопровождался грозными небесными знаменами - появлением на небе Двух комет с промежутком около года. Именно Владу могла прийти в голову идея использовать этот устрашающий символ. Затем была найдена другая монета Влада, более поздняя. На ней он использовал византийскую символику, что дает основания считать его приверженцем имперских идей. Многие, включая султана Мехмета Второго, высказывали мнение, что, «будь Цепеш чуть удачливее и располагай он большими ресурсами, он бы сотворил Многое».

Сумей он действительно добиться успеха, он скорее всего стал бы одним из завоевателей, вроде Александра Македонского, Тамерлана (рассказов о котором он наверняка в изобилии слышался в Турецком плену - прошло всего лишь полвека после взятия Тимуром Анкары) или Наполеона и попытался бы создать огромную империю, которая сразу же и развалилась бы. Но его политические методы ограничивали его возможности. Вспомним, как неохотно он прибегал к использованию большой армии, предпочитая действовать силами гораздо меньшей, зато верной ему гвардии.

Успех многих его военных операций, включая знаменитую «ночную атаку», объяснялся еще и тем, что перед делом господарь сам производил разведку, рискуя жизнью. Можно восхищаться его личной храбростью, а можно заметить, что он не умел найти доверенных людей, которым можно было бы поручить задание.

Талантливый военачальник, искусно применявший элементы психологической войны, он использовал те же средства в политике, - и тут они его подвели. Другие игроки оказались искуснее воспользовались ошибкой Цепеша, уповавшего только на устрашение.

Сохранилось множество портретов Цепеша в виде гравюр в издаваемых против него памфлетах. Некоторые из них намеренно искажены, чтобы придать герою черты большей жестокости. Детали одежды от издания к изданию становятся все более фантастичными, но, видимо, все-таки художники пытались сохранить портретное сходство. На многих из таких гравюр, кстати, Дракула вовсе не выглядит злодеем. В выражении его лица, отмеченного печатью мысли и твердой воли, есть что-то философское. Сочетание улыбающихся глаз с саркастической складкой рта напоминает портрет Монтеня, жившего веком позже. Только тот лысый, а Цепеш кудрявый. Монтень, как и Дракула, повоевал на своем веку. Он признавал военное дело доблестью, но оставил страстное осуждение жестокостей войны.

Влад не оставил после себя развернутого изложения своих взглядов, однако в нескольких лаконичных и полных энергии пассажах своих дипломатических писем изложил свое кредо весьма выразительно. А главное - оставил в памяти поколений неизгладимое впечатление, не всегда соответствующее его реальным делам, но не противоречащее его желанию.

Наиболее достоверный портрет Влада, написанный маслом, сохранился в копии, хранящейся в Германии, в замке Амбрас возле Инсбрука. Он очень точно соответствует описанию его внешности, которое я приводил. В Зальцбурге в 1885 году был найден еще один очень похожий портрет, к сожалению, пропавший до того, как его смогли как следует изучить. Он мог быть еще одной копией, но мог оказаться и прижизненным, сделанным с натуры. Еще изображения Цепеша помещали на картинах и гравюрах вроде «Мук святого Андрея» как если не участника, то свидетеля расправ в окружении других сторонников зла. Настенные портреты в церквях и монастырях, где он изображался как господарь и даритель, заслуживший благодарность храмов, были уничтожены в девятнадцатом веке.

Одновременно с восьмым очерком в «НМ» было опубликовано сообщение о том, что какие-то американцы хотят клонировать Дракулу, - для того, чтобы выяснить, вправду ли он был вампиром. Дело в

том, что недавно под описание вампиризма было подобрано какое-то редкое врожденное заболевание (кстати говоря пристрастие к крови является вовсе не главным и не обязательным его симптомом): Среди признаков болезни - изменение кожи, становящейся похожей на чешую, и неспособность переносить жару, отчего больной предпочитает бодрствовать по ночам.

Не говоря уже о том, что, учитывая находки Россетти, никакого пригодного для клонирования материала в могиле давно нет, идея выглядит абсолютно дурацкой. Настоящим мотивом, вероятно, является какая-то реклама. Упомянутое описание внешности Влада опровергает предположения о том, будто он был покрыт чешуей. Правда, чешуя нашлась, но не там. По описанию Дину Россетти верхний камзол Цепеша, найденный в могиле, был густо расшит золотыми пластинками, образующими чешуйчатый узор. Все-таки государь имел некоторое касательство к ордену Дракона...

Известно пристрастие Цепеша к ночным атакам, но совершенно ни к чему объяснять его нелюбовью Влада к жаре. Нападение из темноты давало ему преимущество, позволяя с малыми силами бороться с мощной армией противника. Дневное же время Влад использовал для маневров, для перемещения своего войска на большие расстояния, и это вне зависимости от времени года. Он с легкостью целый день скакал по жаре вместе со своими бойцами и не страдал от этого.

Все, что известно о Цепеше, позволяет заключить, что это был человек могучего здоровья. Да и ни к чему искать ответ на вопрос (к тому же глупейший), если на него уже ответила жизнь. Род Дракулы не прервался. Потомки его существуют и поныне. По отзывам знающих их людей, среди них не замечалось никаких отклонений. Все, что наследовали они, - это гордая осанка и нрав, твердый характер, обостренные чувства долга, ответственности и собственного достоинства, - то есть совершенно обычные для аристократических родов качества, и никакой экзотики.

В том, что новость появилась во время печатания этих очерков, нет никакого совпадения. Чуть по поводу Дракулы публикуется регулярно. И даже если авторы материалов более серьезно подходят к делу и пытаются разоблачать мифы о Владе, они обычно без критики повторяют сообщения о казнимых птичках, о тридцати тысячах посаженных на кол...

Правда, лес из четырех тысяч казненных на кольях (разумно оценить размер устроенной Цепешем демонстрации именно этим числом) - это, скажу я вам, тоже достаточно круто. Свое прозвище он получил не зря. Кстати, оно ему было дано турками именно за это «деяние».

Так может, не так уж неправы были сочинители баек? Разве не мог Цепеш, например, действительно пировать посреди этого леса из тысяч кольев и тут же казнить еще и брезгливого придворного?

Нет, не мог! Здесь я приведу уже не фактическое, а психологическое возражение.» Я вовсе не гарантирую, что все факты по поводу Влада, выбранные мною из смеси противоречащих друг другу сообщений, истинны. Они лишь наиболее вероятны по моему мнению. Но что я, изучая эти сообщения, определил твердо - это суть личности Цепеша.

Он Был художником террора, поэтом утешения. Не стал бы он портить свое лучшее произведение, предназначенное для вполне определенного зрителя, побочными мотивами вроде казни брезгливца. Вот какую-нибудь незначительную расправу украсить таким образом он вполне мог. Прошу отметить - я не назвал его «художником заплочных дел» или «поэтом садизма». Для него главной была не казнь, а именно производимое ею впечатление. Вон как он напугал своих бояр, еще не успев устроить ни одной казни! Весь мир до сих пор уверен, что он тут же расправился с ними, не сходя с места.

Он не был садистом и не упивался страданиями жертв, скорее относясь к ним хладнокровно, мало ценя чужую (впрочем, и собственную) жизнь.

Влад был лишь на крупицу более жестоким, чем его суровое время. Я постоянно занимался тем, что опровергал те или иные приписанные ему ужасы. Тем не менее, я считаю его принципы и действия

заслуживающими осуждения. Ведь Штефаном чел Маре, вовсе не отказывавшимся от расправ, я искренне восхищаюсь именно за то, что он был на крупницу менее жесток, чем та эпоха. В результате Штефан оказался зачинателем гуманизма в политике, Цепеш же остался хранителем традиций террора, и здесь важно именно не то, что он содеял, а то, как это отразилось в сознании современников и потомков.

Его образ (в преувеличенном рассказчиками виде) вдохновлял Ивана Грозного, то есть он был одним из тех, через кого идеи террора (а также имперская идея) проникли в Россию, и его можно считать одним из предтеч злодеев двадцатого века - Ленина и Сталина.

Кстати говоря, его мысль основывать политику на страхе и силе оказалась не слишком практичной. Его неудачи прямо вытекают из его образа действий. Штефан, избегавший крайностей и редко прибегавший к запугиванию, оказался куда удачливее. Интересно, что сперва купцы-колонисты стали сочинять похожие байки и про Штефана: ведь он произвел несколько рейдов в Трансильванию после гибели Влада. Однако затем он наладил оживленную торговлю с Трансильванией, и купцы успокоились. Небылицы про Штефана быстро прекратились.

Видимо, Влада купцы не любили не столько за расправы, сколько за ограничения в торговле. Личный риск считался естественным спутником профессии купца, он оправдывал высокие цены и громадные проценты за кредит. А вот невозможность торговать с большой прибылью оказалась для них куда более болезненной.

Вот кто всегда восторгался Цепешем, так это простой народ. Крестьяне до сих пор рассказывают, будто «при нем мамалыгу варили не на воде, а на молоке, так как молоко было дешевле воды». Я не знаю, что могло называться мамалыгой в пятнадцатом веке. От Цепеша до открытия Америки оставалась четверть столетия, до ввоза кукурузы в Европу - еще больше, а до появления ее в Румынии не менее трех веков...

М. Михай.